

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
император

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные
Руки – император
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 50

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8497191

Ричард Длинные Руки – император : фантастический роман: Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-76344-3

Аннотация

Последний страшный бой с самым необычным врагом вселенной! Атака за атакой на неприступную крепость чужаков из неведомых вселенных, но все гибнут, как комары в свете мощной лампы. Гномы, эльфы, тролли тоже вступают в страшный смертный бой, а доблестный сэр Ричард тем временем решается на очень рискованный ход...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	55
Глава 6	67
Глава 7	78
Глава 8	89
Глава 9	100
Глава 10	109
Глава 11	121
Глава 12	133
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные

Руки – император

© Орловский Г.Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

*** * ***

Часть первая

Глава 1

Ужас стиснул сердце с такой силой, что в груди заняло от острой боли. Пока Багровая Звезда страшно нависала в небе, я полагал, что она не просто огромная, а чудовищно огромная, что-то вроде авианосца, но сейчас авианосец рядом с Маркусом показался бы лодочкой.

В долине Отца Миелиса грузно осела гора из блистающей стали, где только в нижнем ярусе поместился бы крупный город. Все небо на востоке залило страшно-багровым, словно раскаленные угли звезд подожгли небосвод. Закат, подумал я устрaшенно, закат Земли, а с нею и закат всего мира. Чтобы не показать, что ноги подкосились, пришлось опереться на рукоять меча, воткнутого в землю.

Маркус – эта верхняя половинка нейтронной звезды, так ее вижу и ничего с собой не могу поделать, – грузно вдавила в землю часть холма, оказавшись вплотную к скардеру. Масивные деревья моментально исчезли, как соломинки, скалы на той стороне долины осели и сровнялись с землей, придавленные чудовищной массой.

Я как будто издали слышал звон металла, конское ржание и громкие мужские голоса. Рыцари торопливо поднимаются

в седла и готовятся, опустив копья, атаковать врага.

За нашими спинами суровые голоса затянули «Кирие элейсон». У меня мороз прокатился по спине от торжественности и осознания того, что все мы или почти все погибнем в этой неравной схватке.

Я обернулся к бледной, все еще разъяренной, но уже испуганной Бабетте.

– Возвращайся! И передай, явлюсь. Как только...

Она кивнула, все поняла – у меня лицо белое от страха и ярости, – вскинула руки и моментально истончилась, превратившись в бесцветный пар.

Я покосился на полные ожидания лица плотно окруживших меня рыцарей. Сейчас в багровом куполе распахнутся врата и появятся закованные в доспехи огромные чудовищные воины на покрытых толстым слоем железа конях и с копьями размером с деревья.

Этого ждут они, а чего жду я, еще не знаю. Но сердце сжимается в страхе, эта беда намного опаснее даже той, что ждала в аду, где все понятно и почти знакомо по легендам и апокрифам.

– Наш смертный час, – прошептал я. – Либо все поляжем, либо одолеем. И тогда придет наше время.

Тамплиер покосился с некоторым недоверием. Никогда я не был таким серьезным и даже патетическим, но сейчас во мне звучит некая грозная музыка, и я в самом деле готов на этом благородном порыве закрыть собой амбразуру или

вырвать, как Данко, сердце из груди и осветить моему народу дорогу к спасению.

– Все поляжем, – подтвердил отец Дитрих сурово, – и обретем спасение у Господа. Либо сгинем, как и весь мир, запятнавший себя недостойной жизнью.

– Все в лес! – прокричал я. – Немедленно!.. Быстрее, быстрее!

Тамплиер промолчал, а Сигизмунд вскрикнул:

– Но как можно? Это же враг!

– Пусть он пока говорит со скардером, – крикнул я. – Что, никто не видит, Багровая Звезда вне нашей досягаемости?

Отец Дитрих перекрестился, но лицо вовсе не благочестивое, и я впервые подумал, что начинал он не с духовной семинарии.

– Сперва укроемся, – сказал он трезвым голосом. – Теперь знаем, как выглядит колесница Антихриста.

– Оставим только наблюдателей, – велел я. – Посмотрим, какие эти твари с виду. Чем вооружены. На чем передвигаются. Сэр Тамплиер, вы согласны? А то лицо у вас какое-то несогласное, словно вы убежденный карбонарий.

Тамплиер сказал угрюмо:

– Дождаться бы, когда выйдут... да вдарить!

– Знаете ли, сэр Тамплиер, – сказал я ласково, – я согласен, это красиво – идти в лобовую атаку с опущенными копьями на то, чего не знаем! Но глупо.

Альбрехт в помятых и сильно порубленных доспехах, по-

крытый гарью, но привычно щеголеватый, даже с крохотным султанчиком, укрепленным на верхушке серебряного конского налобника, посмотрел с седла на обоих чистых сердцами паладинов отчески и почти с любовью.

– Зато красиво, – сказал он ясным голосом. – И героически... Песни потом будут петь. Молодых рыцарей надлежит воспитывать на таких примерах отваги и беззаветной доблести.

– А вот мне нужна победа, – огрызнулся я. – Согласен на любую, даже не героическую. Главное – победить!

Альбрехт соскочил на землю, оруженосец перехватил повод, Тамплиер поморщился, во взгляде отразилось сильнейшее неодобрение.

– Ваше величество, ну что вы такое говорите!

– А что не так?

– А если, – спросил он, – победить недостойно?

Я фыркнул.

– Недостойных побед не бывает. Есть победы, и есть поражения. Победы всегда только блистательные! И чем дальше от нас, тем значительнее, а героев больше и больше!.. Вы что, книг не читали? Ах да, вы же ни разу не грамотный.

Он пророкотал обидчиво:

– Ваше величество!

– Блистательными, – пояснил я, – и даже героическими победы делают в летописях. Это нужно для воспитания молодежи в правильном направлении и чувстве прекрасной

любви к королю и к этой, как ее, ах да, родине!

Примчался на взмыленном коне сотник Норберта, крикнул, не покидая седла:

– Наблюдатели посланы!.. Прощупают эту штуку со всех сторон... если удастся приблизиться.

– Спасибо, – сказал я. – Вы услышали мое мысленное повеление, ценю. Сейчас основная нагрузка и ответственность ложится на вас и на сэра Норберта!.. Продолжайте собирать все сведения о существах, что покажутся из этого корабля, не пренебрегая ни одной мелочью...

Тамплиер рыкнул:

– А мы?

– Все в лес, – повторил я. – Что, в самом деле настроились на красивую атаку с опущенными копьями? Да вы еще больше, чем я думал! Просто легендарный герой. В лес! До особого.

Альбрехт пробормотал:

– К тому же, сэр Тамплиер, вы человек не мелочный. Не ваше это дело – собирать сведения.

Норберт посмотрел на него осуждающе, повернулся в мою сторону.

– Простите... корабля?

Я отмахнулся.

– Небесный корабль тоже как бы корабль. Воздушный, знаете ли, корабль. Не в смысле, что сам воздушный, как вон ваша леди Кларитта вся как бы воздушная, взбитая, с при-

поднятыми, а что по воздуху прибыл.

– Но эта гора из железа! – напомнил Норберт. – А оно даже в воде тонет.

Я рыкнул:

– А если это легкое железо? И вообще, не спорить!.. Монарх не может ошибаться. Тем более в военное время.

Альбрехт подумал, сказал многозначительно:

– Кстати, ввиду военного времени... Ваше величество, не пора ли...

– Чего? – спросил я сердито. – Граф, что-то у вас морда хитрая. Если снова гадость, то я могу в неудержимом монаршем гневе...

– Момент удобный, – объяснил он серьезно.

– Для чего?

Он чуть понизил голос:

– Принять императорскую корону.

Я дернулся, чуть не сплюнул, но он смотрел очень серьезно, к тому же на лицах остальных лордов и знатных рыцарей, что прислушиваются жадно, не отразилось неприятия, напротив – полное одобрение.

– Граф, – сказал я зло, – вот самое что ни есть время!.. Вы бы еще и пир по этому случаю! А то и вовсе бал. С этими, как их... уже и забыл! У которых эти самые... здесь и здесь. И которые весьма.

– Это после победы, – сказал он деловито. – А пока ввиду военного времени, когда все для победы, ни у кого даже

мысли не возникнет что-то сказать против. Сейчас все силы должны быть в одном кулаке. Простите за грубость, но ваш подход больше всего для такой недоброй роли.

Норберт, уже в седле, развернул коня в сторону чудовищной красной горы.

Я прокричал вслед:

– Проследите, чтобы со стороны Маркуса ничто не указывало на тропы, по которым уходим!

Он красиво и лихо умчался, даже такие суровые и неулыбчивые превращаются в подростков, когда под ними горячие сильные кони, а я подумал, глядя вслед, что мой приказ хорош и умен, если имеешь дело с людьми, но кто знает, что оттуда выйдет. Может быть, бронированные тараканы размером с сарай? Или динозавры в скафандрах из нейтрида?

Сигизмунд сказал торопливо:

– Антихристовцы наверняка сперва в Штайнфурт или Воссу. Или их лучше звать маркузейцами?

Тамплиер прорычал:

– Просто тварями. Этими тварями!

– В Штайнфурт, – уточнил Альбрехт. – Тот ближе. И чуть крупнее.

– Знаете ли, – сказал я сварливо, – это не значит, что наше местопребывание не нужно скрывать. За нарушение маскировки будем весьма карать. А пока, сэр Альбрехт, распорядитесь насчет маскировки и сокрытия наших следов. Ни одна душа не должна знать, где мы скрываемся, хотя, конечно,

такое невозможно, но все равно желательно.

– Ничего не понял, – ответил Альбрехт, – но, как догадываюсь, вы хотели сказать, что, простите, ваше почти императорское величество, часовых стоит распределить на больших расстояниях один от другого?

– Вы прямо мысли мои не читаете, – ответил я. – Полагаете, если их даже заметят, то не обратят внимания.

– Сразу хватаете идею, – сказал он с одобрением. – А то иногда смотрю на вас и думаю...

– Граф, – сказал я предостерегающе, – я вам подумаю, я подумаю! Сейчас не думать надо, ибо! Но идея, да. И вообще. Эти звездные твари в первую очередь бросятся в места большого скопления народа, тут вы случайно угадали.

– У меня бывает только случайно, – ответил он смиренно, – а вот у вас...

Я поднялся в седло арбогастра, Бобик уже скачет рядом, рыцари поспешно вскакивают на коней.

– После этой великой войны, – крикнул я громко, – многое изменим, но сейчас объявляю всеобщее Великое Перемирие! Перед лицом самого опасного в истории мироздания врага, неведомых существ с Багровой Звезды, призываю на страшный бой с врагом всех-всех: эльфов, гномов, троллей, огров, гарпий, всех чудовищ и любых противников, с которыми велись войны!.. На время Великого Испытания нет колдунов, инквизиторов, магов и паладинов – все просто люди, даже если они не люди, все мы защищаем наш общий

мир!..

Альбрехт добавил уже негромким голосом, что прозвучал почти зловеще:

– А потом, после победы, посмотрим, кто внес вклад в победу, а кто старался ударить в спину.

Я представил, как по всем королевствам в каждом городе и даже селе, где есть церквушка, тревожно звонят колокола, а глашатаи громко и страшно кричат на перекрестках и площадях мой составленный неделей раньше указ:

– Вставайте все!.. Все на бой с Антихристом!.. Он приближается, он уничтожит дивное создание Господа – его райский сад, в который уже начали превращать землю!.. Вставайте все!.. Берите в руки оружие, какое у вас есть!.. Мы можем умереть или победить, но не сражаясь – умрем все!

Несколько человек на легких конях выметнулись из леса и, размахивая руками, указывали, куда направить путь.

– Мы не знаем, – сказал я, – насколько захватчики хороши в лесу, потому на всякий случай наш штаб расположим не просто в лесу, а в его глубине на обширном болоте. Разведчики сэра Норберта отыскиали там сухой островок, а к нему тропку. Правда, идти по грязи, иногда по самые голенища...

Сэр Робер охнул:

– А по болоту еще и лягушки?

– Много, – заверил я. – Здорово, правда?

– Еще бы, – сказал он с чувством. – Обожаю, когда их много! Толстых, противных, в бородавках...

– То жабы, – возразил я. – А лягушки без бородавок. Но не печальтесь, к жабам еще отведу. Чуть позже.

Он произнес сквозь зубы:

– Ну спасибо. Вот уж счастье привалит так привалит! Обожаю, когда в бородавках...

– Особенно, – буркнул барон Келляве, – женщины. Ваше величество, я займусь охранением?

– Только ставьте на дальних подступах, – предостерег я. – Если звездные демоны заявятся, боюсь, нас уже ничто не спасет. И весь мир.

Он кивнул и придержал коня, пропуская нас вперед. После охраны холма со скардером спешит поручить себе новое ответственное задание, что хорошо, очень серьезный и ответственный воин, бывалый, тертый, такой, как был Нечес-князь, таким доверяю особенно.

В лес все еще бегут из окрестных сел запоздавшие. Большинство деревень и так на краю леса, это чтоб за дровами и бревнами далеко не ездить, но в этом и минус, крестьяне до последнего часа надеются, что либо беда пройдет мимо, либо успеют укрыться в погребах или добежать до леса.

Мы промчались около мили, на опушке младшие командиры Норберта перехватывают людские потоки, распределяют и указывают, кому куда, заранее разведанные тропки проведут в уже приготовленные для убежищ места.

Я остановился на опушке, развернул арбогастра в обратную сторону, со страхом и ненавистью смотрел на этот чудо-

вищенный багровый купол. Тамплиер и Сигизмунд встали рядом, как паладин с паладином, а еще по праву тех, кто сражался со мной рядом в только что закончившейся исполинской битве, определившей новое лицо мира... если, конечно, он переживет страшный час Маркуса.

На их лицах страх и замешательство, красный купол закрывает собой половину пылающего неба, и кажется, что от него сейчас воспламенится весь мир.

Альбрехт отослал с поручениями двух серьезного вида рыцарей и подъехал к нам, все еще в тех же в помятых доспехах, даже удивительно, что не сменил и не почистился от гари.

– Ваше величество, – обратился он ко мне, подчеркивая серьезность момента, – с вашего позволения я послал и своих людей в помощь сэру Норберту.

– Граф, – ответил я так же подчеркнуто по-деловому, – благодарю за оперативность. Вас что-то тревожит еще?

Он взглядом указал на багровый купол, придавивший холодной и злой мощью половину мира.

– Этого достаточно, ваше величество.

– Граф, – сказал я настойчиво, – а скрываете что?

Он бледно улыбнулся.

– Пустяки, ваше величество. В нашем роду все мужчины чувствовали приближение смерти за неделю. Сейчас у меня стойкое предчувствие, что эта схватка будет для меня последней. Только и всего.

– Граф, – сказал я с чувством, – вы будете не одиноки. Мне кажется, все мы здесь поляжем. С другой стороны... нам выпало участвовать в самой величайшей из битв!.. Пойдемте, граф, надо взглянуть, что за место норбертовцы выбрали.

Он коротко поклонился.

– Да, ваше величество.

Я повернулся к молча и почтительно слушающим паладинам.

– Сэр Тамплиер, сэр Сигизмунд! Вам нечего здесь сопеть и рыть землю стальными копытами.

– Да, сэр Ричард, – почтительно ответил сэр Сигизмунд.

– Следуйте с нами, – велел я.

Глава 2

Могучие деревья лес всегда выставляет стражами на опушку, они встретили нас настороженно и расступились нехотя и неспешно. Дальше пошли тоже крупные, но уже не богатыри, потом потянулся обычный лес с тропками, папоротниками, чахлой травой, а то и вовсе сплошным ковром из сухих сосновых иголок.

Дорожка опускается реже, чем поднимается, словно ее прокладывал бегущий ручей, а не лесные звери. Воздух из влажного стал неприятно мокрым, липким. Деревья пошли тонкие, но поросшие с одной стороны мхом, когда ярко-зеленым, когда неприятно-коричневым.

Тропка постепенно и очень неспешно увела вниз. Роскошные папоротники попадаютс чаще, роскошные, ажурные, но чем ниже дорога, тем темнее листья. Наконец отступили в стороны и пропали, а впереди деревья стали вообще деревцами, хилыми и скрюченными, верный признак близкого болота с его гнилыми водами.

Под ногами земля начала пружинить, идем по толстому слою мха, скрепленному крепкими корнями, но кожей чувствую под этим ковром бездонные холодные воды, которые так не любят корни деревьев.

Возле меня стараются держаться высшие лорды, оттерев верных паладинов Тамплиера и Сигизмунда. Иногда мелька-

ет Карл-Антон, у него откуда-то конь; что-то в этой лошадке не совсем правильное, но, скорее всего, это замечаю только я. Похоже, Азазель, уходя из нашего мира, оставил ему своего коня или научил, как призывать.

– Они сильнее нас, – проговорил я вслух своим мыслям, – всего лишь сильнее...

Альбрехт посмотрел на меня несколько странно.

– Разве этого мало?

– Много, – согласился я. – Но зато есть надежда.

Альбрехт промолчал, что-то уловил или даже понял, Карл-Антон издала чуть наклонил голову.

Я ехал, красиво выпрямившись, левая рука держит повод, а правую хвастливо упер в бедро. Хмурое небо отражается в темной воде, под ногами хлюпает, продвигаемся как по другой планете: воздух влажный и даже сырой, на стволах деревьев толстый мох, часто слизь толстым блестящим слоем.

За спиной чавкающие звуки, грузный конь Тамплиера часто оступается и потом с трудом вытаскивает ноги из трясины. Конь Сигизмунда почти такой же мышчатый, идет все же легче, осторожничают.

Я заметил, что и сам Сигизмунд старательно копирует мои движения, хотя я вроде бы не ходок по болотам, дитя асфальта, однако приноравливаюсь быстрее, словно у меня нервная система прошла более длинный путь и быстрее соображает, что и как делать в новых обстоятельствах...

Люди идут почти след в след, извилистой змейкой, по бокам торчат воткнутые ветки, указывая, куда нельзя ступать. Иногда удается выйти почти на пусть не сухое, но сравнительно твердое, затем снова по чавкающей земле, а то и мутной смердящей жиже, такой замечательной для болотных тварей.

Я оглянулся: печальным показалось зрелище отступления, да еще по болоту. Все как-то предпочитают красивый и жестокий бой, схватку грудь в грудь в хороших доспехах, на твердой земле и под ярким солнцем, тогда и погибнуть не стыдно, а здесь как будто трусим, а нас догоняют и бьют в спину.

Хотя солнце еще только над горизонтом, но здесь почти солнечно, глупо мечутся бабочки, стремительно проносятся большеглазые стрекозы, с тяжелым ревом пролетают толстые важные жуки: над болотом всегда полно всякой живности, а от птичьего чириканья, щебетанья и визга зенит в ушах.

У начала тропки, что ведет на остров, встретились с группой тяжеловооруженных воинов лорда Робера. Он поклонился уважительно и с достоинством, высокий и дородный, доспехи не только в царапинах, но все еще покрыты копотью, как и левая щека, где пламенеет свежая царапина, не успел отмыться, у лордов больше хлопот, чем у простых рыцарей.

– Ваше величество...

– Лорд Робер, – прервал я, – вам повезло построить замок в таком ключевом месте, а нам повезло встретить вас! Бла-

годарю за помощь, а теперь...

— Да, ваше величество, — ответил он, в свою очередь прервав на полуслове, что весьма невежливо, но ситуация позволяет. — Да, оно пришло. И мы сделаем все. Положитесь на меня и моих людей во всем, что касается. И даже больше.

Дальше уже гуськом, тропка хоть и выдерживает даже тяжелооруженных рыцарей, но только по одному и причудливым зигзагом, а то шаг в сторону — вместе с конем скроeshься во внезапно распахнувшейся под слоем мха черной и смрадной бездне.

У выхода с тропки на остров в два ряда рыцари и тяжелооруженные ратники сэра Кенговейна. Сам он устремился из глубины лагеря к нам на укрытом роскошной попоной красавце коне, сам все такой же надменный и гордый, хотя белый плащ уже не развевается красиво и величественно за спиной, однако на шее видны остатки разорванного шнура, а на поясе чудом уцелел алый бант, явно завязанный женскими руками. Если бы я не знал, что это один из вассалов Альбрехта, которого тот прислал защищать холм со скардером, все равно бы решил, что этот рыцарь подражает сэру Гуммельсбергу.

Конь под ним все тот же, но с шеи сорваны когтями две широкие стальные пластины, защищающие от нападения сверху, на других остались глубокие следы когтей и даже зубов.

Он покинул седло загодя, быстро подошел к тропке и кра-

сиво преклонил колено.

– Встаньте, сэр, – сказал я. – На время военных действий все церемонии отменены, потому что. Достаточно просто-го поклона. У вас прекрасный конь! И благодарю за службу, сэр...

– Бриан, – подсказал он, – Бриан Кенговейн, ваше величество!.. Да, он приучен не бояться противника, кем бы тот ни был. Еще хватает зубами и бьет копытами!

– Прекрасно, – повторил я. – Пришел час великой битвы, сэр Бриан. Надеюсь... да что там надеюсь, я просто уверен, что ваш боевой конь внесет решающий вклад в нашу общую победу над коварным и трусливым захватчиком. Возможно, и вы окажетесь достойным стоять рядом со своим боевым конем!.. Кстати, проследите, чтобы ваши люди из леса не высовывали и носа. Здесь не должно остаться следов, где мы теперь и сколько нас.

Он сказал быстро:

– Все понимаю, ваше величество!

– Рассчитываю на вас, сэр Бриан, – сказал я и, повернувшись к сопровождающим меня, велел: – Военачальникам далеко не расходиться. Вскоре изволю пообщать всех.

Болото само по себе огромное, хотя уже почти не болото, кое-где даже чахлые деревья, каргалистые, с болезненно покрученными болотным ревматизмом ветвями, а в самой середине настоящий остров, где Норберт по моему приказу приготовил место для лагеря.

Шатер мне установили в центре, несколько человек спешно заканчивают обустройство лагеря, дальше поставлен целый ряд шатров поменьше, а еще одна бригада со всей возможной скоростью ставит еще шатры для рыцарей.

Навстречу пустил коня сэр Горналь, молодой баннерный рыцарь, сотник Норберта, крикнул, резко поднимая лошадь на дыбы:

– Ваше величество! В шатре пока только стол, две лавки и ложе, больше ничего привезти не успели!

Я отмахнулся.

– И не понадобится.

– Ваше величество?

– Все решится в несколько дней, – сказал я. – Нам здесь не жить... Нам вообще не жить, если не.

Он поклонился.

– Спасибо, ваше величество. Мы сделаем все, что позволит нам Господь.

– Он позволяет многое, – напомнил я, – но спрашивает строго.

Он повернул коня и ускакал, Бобик уже у шатра, все понял, пробежался дважды вокруг и первым вскочил вовнутрь. Часовые выбежали навстречу, я бросил им повод арбогастра, оглядел лагерь, охватывая одним взглядом.

Сердце болезненно сжалось. Домовитые работники делают все добротнo, на годы. А у нас в запасе от силы несколько дней. А то и часов.

В шатре чисто и сухо, на полу уже толстый ковер, ну, это чересчур, не настолько я и король, чтобы замечать удобства. Стол поставили длинный, дюжина мужчин поместится, но стул только один, а так по обе стороны две широкие длинные лавки.

И, конечно, ложе, массивное и вместительное.

Сбросив меч и освободившись от кирасы, я машинально опустился за стол, продолжая перебирать варианты, как дальше действовать и что делать, какие из себя пришельцы, а здесь я могу напридумывать гораздо больше, чем мои рыцари...

Послышались близкие шаги, голос часового, полог отодвинулся, в шатер вошел Альбрехт, уже чистенький настолько, что сверкает, как надраенная золотая монета, свежий и почти благоухающий, хотя мы вроде бы еще не в райских кущах, а на болоте.

– Простите, ваше величество... Церемониймейстер не успел меня огласить.

Я вяло кивнул.

– Проходите, граф, садитесь. Что пьете?

Он посмотрел с изумлением.

– Ваше величество, вы раньше никогда такое не спрашивали! Всегда: пей, что даю, а то повешу!

Я молчал, а он усаживался неспешно и старательно, жеманно расправляя полы кафтана, чтобы не помять дорогую ткань, осматривался так, словно мне тут жить до старости,

а ему приходится изредка в это вонючее болото и лживо уверять в своей все еще преданности.

– Это потому, – признался я, – что малость сбит с толку. Даже не малость. Как-то совсем не то ожидал.

Он спросил подчеркнуто бесстрастно:

– Все-таки что-то ожидали, ваше величество?

– Нерационально, – сказал я медленно, – сажать такую махину... Оставить бы на орбите... орбита – это такая... в общем, сюда бы десантные корабли... ну, это такие лодки. С корабля, когда не могут подойти к берегу из-за рифов или мели, обычно отправляют солдат на лодках. Ничего не понимаю.

Он пробормотал:

– Я еще меньше. В ваших словах.

– Ладно, – сказал я, – планы меняются.

– А какие были?

Я развел руками.

– Захватить десантный силой или хитростью, а на нем ворваться внутрь корабля-матки. Понятно, побить там всю посуду.

– А тех пришельцев изнасиловать, – сказал он с пониманием.

– Ладно, – сказал я, – может быть, это такие чудища... что Господь простит за неисполнение его главного и основного завета?

Он поинтересовался:

– Ваше величество, какие будут приказы?.. Распоряжайтесь, люди должны слышать ваш уверенный и чуточку покровительственный голос. Даже если не знаете, что делать, я же вижу, все равно другие должны думать, что у их сюзерена есть план и тот приведет к быстрой и блистательной победе!

Я буркнул:

– Граф, вы чересчур проникательны. Будь я поинтеллигентнее...

– Но вы же не?

– Именно, – отрезал я, – потому и терплю ваши. А так бы что? В общем, если народ ждет, то, конечно, придумаем. Тем более что мне это тоже в какой-то мере надо. Жить почему-то хочется. Странно, да?

– Мне тоже странно, – согласился он, – хотя отец Дитрих и обещает всем красиво павшим райское блаженство, но как-то не хочется... Наверное, потому что я на арфе не очень. И вообще не люблю арфы.

– Возможно, – сказал я с сомнением, – это будет не слишком принудительно?

Он возразил:

– Но сказано же: все попавшие в рай играют на арфах!.. А раз так, то придется, хочешь не хочешь. Ваше величество, я, с вашего позволения, позволил себе... от вашего имени, разумеется, созвать большой совет. Увы, из тех, кто сейчас с нами на этом болоте. Так принято.

– Это правильно, – согласился я. – Спасибо, граф.

– Это неправильно, – возразил он, – но принято. Совет лордов хорош в мирное время, а сейчас все должны слушать и выполнять сразу, без рассуждений.

– Это при условии, – уточнил я, – если такой орел, как я, всегда прав. А если нет?

Он сплюнул через плечо.

– Лучше ошибайтесь в чем-то другом, – посоветовал он. – Например, с бабами. С ними все ошибаются, ничего зазорного. И вред такой, что и не вред даже, а как бы даже выгода... если посмотреть сбоку, но снизу... Ладно, ваше величество, я в самом деле не стану ломаться и отказываться от чаши хорошего вина!

Я создал молча чашу с некрепким красным, любопытствовал:

– А что это вы меня все величествуете? Мы же наедине...

– Приучаю, – ответил он серьезно. – Не даю расслабиться на болоте среди жаб и лягушек. И даже распуститься. Подготавливаю к императорской мантии на ваших широких, а они в самом деле вполне так, это не лесть, плечах. Можно с некоторой натяжкой даже назвать раменами. Это не ругательство, ваше величество! Так говорили древние, если я угадал.

Он неспешно отхлебывал вино, поглядывая на меня чересчур спокойными глазами, ожидая, обижусь или нет, что мои плечи можно назвать раменами только с натяжкой.

Я тоже сделал пару глотков, чтобы промочить пересохшее даже на болоте горло. Вообще-то, если честно, подсо-

знательно ждал, что явятся небесные захватчики с мощными дальнобойными и все сжигающими лазерами или чем-то еще страшным, а я вот как-то хитро отниму или сопру один и сам всех перебыю, а лазер оставлю себе, я же запасливый, все когда-то да пригодится.

Однако действительность почему-то всегда поворачивается даже не задом, это бы еще ничего, а угрожающе опускает рогатую голову и смотрит как-то нехорошо.

Он молча отхлебывал из чаши, поглядывая на меня поверх края серьезными глазами.

Я молчал, наконец он произнес мирно:

– Говорят, самое большое испытание – устоять не столько против неудач, сколько против счастья. Так что главные испытания у нас еще впереди.

– Конечно, – согласился я, – вот разделаемся с такой ерундой, как тот Маркус... Что там за треск?

Он прислушался, растянул губы в улыбке.

– Ваш главный маг. Взгляните.

– Алхимик, – строго поправил я. – Магия готовится предстать перед постепенным запретом в восемнадцать этапов. Может, больше. Еще не продумал. Да и не мое это дело, верно? Лорд-канцлер на что?

Он поднялся, игнорируя намек, приоткрыл полог. В широкую щель видно дальний конец лагеря. Костлявая фигура Карла-Антоня в его нелепом халате до земли и широкополой шляпе продвигается с осторожностью по шатающим-

ся под его ногами кочкам, для равновесия упирается в них длинным посохом, но часто промахивается и едва не падает в грязную воду.

Остановился, вскинул руку над головой, направив вершушку посоха, он же магический жезл, прямо в небо. Ослепительно сверкнула молния, и раздался сухой жесткий треск, будто переломили скалу.

Из безоблачного неба прямо в жезл ударила молния. Маг даже не пошатнулся, все так же стоит, расставив ноги, и держит посох гордо поднятым к небу.

Ого, мелькнуло у меня, это же весьма удобный способ. Вот так научиться пользоваться безграничной мощью гроз и солнечного ветра – не просто круто, это рационально, экологично, оправданно.

Альбрехт сказал тихонько:

– Он там осушил большой участок болота. Солдаты голыми руками ловили больших рыб, ошалевших на суше! Так что этот маг точно будет пользоваться уважением среди простого народа.

– Я его уже уважаю, – сказал я серьезно. – Знание – сила!.. Маг при определенных моментах может сделать больше, чем отряд воинов.

Он поморщился.

– При определенных моментах... При определенных и женщина сможет.

– Женщин в отряд не беру! – предупредил я. – И не уго-

варивайте.

Он посмотрел с укором.

– Ваше величество! Разве я о женщинах?

– А разве нет? – спросил я. – У вас все о женщинах. Даже холм, на котором скардер, с женской грудью сравнивали!

– А на что похож сам скардер? – напомнил он. Прислушался, поднялся и сказал торопливо: – Лорды подходят. Пусть войдут или сказать, что вы вроде бы о высоком?

Я посмотрел зверем, он заторопился к выходу, высунул голову на ту сторону. Шаги стали громче, прозвучали голоса, Альбрехт отступил и, придерживая полог, начал пропускать в шатер лордов.

Первым вошел Норберт, за ним лорд Робер, барон Гастон Келляве, несколько высокородных лордов из близкорасположенных замков, от каждого так и веет спесью и величием, а я с трудом подавил инстинктивное желание вскочить и поклониться таким знатным и высокородным людям.

Наконец вошел отец Дитрих, его почтительно поддерживает под руку сэр Кенговейн, который был прислан Альбрехтом в помощь барону Келляве для охраны скардера, но чувствуется, что это жест учтивости, отец Дитрих собран, серьезен и не выглядит слабым.

Наблюдая за ними двумя, я подумал, что церковь никогда бы не просуществовала столько, если бы хоть на минутку власть в ней захватили религиозные фанатики.

Разумные и дальновидные деятели, понимая, что даже са-

мый добродетельный и стремящийся к благу человек все же слаб, никогда не предъявляли и не станут предъявлять ему слишком высокие требования, чтобы не сорвался и не рухнул с достигнутых высот. Человека нужно тянуть из животного болота медленно, дабы не оторвались уши. Другие называют этот растянутый на века процесс выдавливанием раба, но факт в том, что, как в трудные времена после жестоких войн и чумы церковь разрешала многоженство, ибо главная заповедь – «Плодитесь и размножайтесь!», так и сейчас вот молча, не акцентируя и вообще не предавая чрезмерной огласке друга, сотрудничает с магами и колдунами, потому что самое главное – жизнь, сейчас нужно забыть на время все споры.

Пропустив вперед троих лордов, прошел и устроился в уголке Карл-Антон, тоже понимает все прекрасно и, как вижу, принимает и уважает эту линию церкви. Священники и маги с предельной вежливостью уступают друг другу дорогу в лагере, пока не определятся, кто расположится на каком конце.

Все неспешно и с достоинством устроились на обеих лавках, только Карл-Антон и двое рыцарей, что вовремя привели дружины, остались на ногах, но они посмотрели на алхимика и, брезгуя быть близко, перешли на другую сторону шатра.

Я выдержал паузу, хотел было остаться сидеть, как и положено говорить королю, но напомнил себе, что я сейчас по-

левой вождь, вскочил, быстрый и не по-королевски демонстративно подвижный, оглядел всех яростно и с подъемом.

– Итак, мои боевые друзья... вторжение произошло. Свершилось!.. Мы приняли все меры, которые были в нашем распоряжении, но, увы, отступать и прятаться – это не лучшее для гордого рыцарства.

Лорды заговорили с одобрением, что да, все верно, еще неизвестно, что за враги, а мы уже прячемся. Вон граф Улагорнис сразу заявил, что прятаться не будет, а немедленно вызовет на честный бой любого противника, кто бы ни вышел из Звезды Антихриста. И он такой не один, многие отказались позорно прятаться...

Я сказал сухо:

– Надеюсь, их гибель будет не напрасной. Слегка затормозят победную поступь обнаглевшего от безнаказанности противника.

Глава 3

Выпрямившись, словно упираются в невидимую спинку лавки, все приглашенные на совет смотрят с полными надежды лицами. Сюзерен должен знать, как спасти их всех, или же вот прямо сейчас найти для этого способ, и все снова будет хорошо и правильно.

– Ничего, – подчеркнул я, – не предпринимать!.. Что, странный приказ?.. Ничего подобного. За Маркусом установлено тщательнейшее наблюдение. Разведчики сэра Норберта, рассредоточившись, наблюдают за вражеской крепостью, опустившейся из глубин звездного неба. Там же хляби небесные, слышали? А где хляби, там и глубины. У норбертовцев самые быстрые кони, они моментально сообщат нам все, что увидят и узнают. Не кони, а их седоки, если кто еще не сообразил.

Барон Келляве спросил с подозрением:

– А вы решите нападать или не нападать?

– Мы должны увидеть, – подчеркнул я, – что у нас за противник. Вы до этого случая видели только закованных в хорошие доспехи противников! А кто встречал бронированных тараканов размером с сарай? Кто из вас видел ящериц размером с этот шатер, но укрытых алмазной чешуей?.. Готовы выйти с мечом в руке против драконов, что будут летать на высоте в десять ярдов и жечь вас огнем с безопасного

расстояния?..

Они молчали, озадаченные, как-то в голову не проходит, что драться можно не только с людьми.

Я сказал жестко:

– Увидев противника, тут же выберем! Имею в виду соответствующую тактику. Потому лагерь не покидать ни в коем случае! До соответствующего! Всем понятно?

Альбрехт сказал почтительно:

– Учитывая военное время, когда приказы не обсуждаются, понятно даже тем, кому непонятно. Ваше величество...

– Лорды, – произнес я.

Они поднялись, поклонились синхронно и покинули шатер. Такого короткого совещания у меня еще не было, да и сказать пока нечего, надо было только напомнить о дисциплинке. А также, что у нас, моего величества, всерьез подумывающего о последнем шажке насчет императорской короны, все под контролем.

Уже сквозь тонкую стенку шатра услышал негромкий голос барона Келляве:

– Судя по тону, наш король встречал и бронированных тараканов, и ящериц размером с гору, и всяких ужасных тварей, которых и представить страшно.

Сэр Кенговейн ответил зябким голосом:

– Мне с таким королем то страшно, то совсем наоборот.

– Совсем-совсем страшно?

– Да...

Дальше я не слушал, стиснул голову обеими ладонями, вроде это помогает сосредоточиться и придержать там быстро промелькивающие мысли, что успеваешь увидеть только дразнящие хвостики.

Назойливо лезет только простейшая мысль об Эркхарте, но это всего лишь транспортник для перевозки руды. Максимум, что может, это передвинуться на другую сторону планеты, но не в состоянии даже менять высоту, так что не получится посадить, загрузить Победоносную и Познавшую, а затем высадить десант прямо в воздухе на Маркус.

Да и просто пострелять по Маркусу ей нечем, транспортник есть транспортник. Так что в сторону Эркхарту. Армию троллей под командованием сэра Растера тоже стоит выбросить из головы – далеко, не успевает. Эльфы сильны только в лесах, а гномы не сумеют за короткое время выкопать такой котлован, чтобы Маркус провалился в бездну, слишком уж гора оказалась исполинской... Хотя идея, признаться, соблазнительная.

Едва вышел из шатра, навстречу поспешили встревоженные лорды и военачальники, терпеливо ожидавшие поблизости. Костры чадно горят в ямках и впадинах, это чтобы скрыть огонь, хотя вроде бы мы забрались в самую глубину леса, дым поднимается густой, но постепенно рассеивается, а также поглощается в густых кронах.

Несколько знатнейших рыцарей, завидя выходящего сюзерена, поднялись от костров и заспешили в нашу сторону.

То ли чтобы послушать грядущие планы, то ли из почтения, король всегда должен быть окружен многочисленной свитой из знатных и родовитых людей.

Альбрехт сказал издали:

– Ваше величество, благородные люди выражают готовность выйти на бой и скрестить копья.

– А если там нет копий? – спросил я. – Я имею в виду неведомых противников. Если только дальнобойные и весьма скоростные арбалеты?..

Рыцари окружили плотным кольцом, на лицах злое нетерпение, что и понятно, аристократы нюхают смрадную вонь только в минуты, когда гонят по краю болота оленя или кабана.

Альбрехт ответил громко, я понял, что выражает общее мнение, что не обязательно должно совпадать с его личным:

– Есть предположение, ваше величество, что мы слишком осторожничаем. Это бремя власти не позволяет вам принимать быстрые и решительные... э-э... решения?

Я буркнул:

– А что, предлагаете лишить меня этой власти? Я бы сам с удовольствием снял со своих плеч! С превеликим и даже огромным удовольствием. Но тот, кто взвалит на себя, поведет вас отсюда в красивую и глупую атаку на это неизвестное и погубит всех, даже не поняв, что их сразило!

Один из знатных проговорил из задних рядов:

– Лучше сложить голову в яростном бою, чем сгнить

в этом болоте.

Альбрехт сказал примирительно, делая вид, что не услышал голоса народа:

– Ваше величество, все или почти все понимают то, что вы изволили. А если кто-то и говорит глупости, то чтобы не показаться трусом. Мужчины страшатся этого больше смерти, мы же понимаем, хотя и не признаемся. Нужно великое мужество, чтобы не стараться постоянно и перед всеми выглядеть храбрецом... Все это особое мужество видим в вас и потому чтим особенно.

Судя по лицам лордов, все или почти понимают, но все равно лучше выглядеть безумно отважным, чем мудрым. Отвагу видно издали, а мудрость еще нужно рассмотреть, да и то не уверен, мудрость ли.

– Сейчас вокруг Маркуса носятся конные разъезды, – сказал я. – Выясняют. Мы же не знаем вообще, как выглядят эти демоны! И чем их можно взять. Может быть, удар рыцарского копья для них нипочем, а деревянным колом – верная смерть?

Исполненные отваги лица посерьезнели, даже Альбрехт чуть наклонил голову, выказывая одобрение старшего младшему.

– Однако пока никаких новостей? – спросил он громко, опять же ориентируясь на слушающих в напряжении лордов.

– Сами знаете, – ответил я. – Разведчики, что кружат вокруг Маркуса, по дороге в мой шатер рассказывают вам

все... Тайн нет, уверяю вас. И никакого сговора с захватчиками! На это намекает сэр Рокгаллер?

Сэр Рокгаллер, крупный и дородный вельможа из Штайнфурта, где владеет тремя дворцами, вздрогнул, воскликнул с великим возмущением:

– Ваше величество, ну и шуточки у вас! Кто-то возьмет и поверит!

– В такое верят охотнее, – согласился я. – Потому будьте осторожны, намекая на трусость короля или хотя бы его нерешительность.

Тамплиер и Сигизмунд, что по своему невысокому рангу на совещаниях присутствовать не могут, посматривают издали, но Сигизмунд не выдержал и крикнул чистым звонким голосом подростка:

– Слава нашему королю! Он ведет от победы к победе!

Оглянувшись на Тамплиера, тот подумал и прогудел мощно:

– Даже без отдыха.

В голосе паладина прозвучала вроде бы ирония, хотя для прямолинейного Тамплиера такие тонкости вообще-то несвойственны.

Сигизмунд сказал воспламененно:

– Вот это жизнь!.. Вот так и надо во славу!

Альбрехт посмотрел на него, потом на меня, но смолчал, хотя понимать тут особенно нечего, рыцари у нас самые настоящие, кость этого мира, скелет человечества.

– Во славу, – повторил я, но не стал уточнять в чью, пусть

отец Дитрих поймет насчет славы церкви, Альбрехт – славы и величия короля, а сэр Рокгаллер подумает, как всегда, о бабах, то бишь прекрасных дамах. – На этот раз славы будет столько... что наш подвиг войдет... гм...

Отец Дитрих, что в сторонке беседует со священниками, услышал, бросил на меня предостерегающий взгляд.

– Войдет, – сказал он осторожно, – если решит конклав кардиналов. И определит, чем считать то... что вот стряслось.

Подвиг, пробормотал я про себя, войдет в анналы... даже, может быть, в Библию, как второй потоп... на этот раз огненный, в ожидании которого Адам записывал законы на стеллах из глины, чтобы те от огня стали только крепче.

Войдет в случае, если справимся. Шанс нам дан, иначе бы вместо Маркуса послали астероид. Не обязательно размером с Луну, достаточно и с Австралию.

Но сейчас шанс остается. Просто время с момента прибытия Маркуса начало стремительно работать против нас.

...Разведчик провел в дальнюю часть лагеря, что уже и не лагерь, а как бы его отросток, и народ там не военный, сразу ощутилась расхлябанность и вольность нравов. Из первой же хижины, сплетенной из веток, выскочила молодая женщина и, закрывая рубашку на груди, поспешила с моих глаз.

– Маркитантки, – пробормотал я, – что хорошо и почти плохо. Где главный?

Немолодой алхимик поспешно поклонился издали.

– Ваше величайшее величество, он во-о-о-он там, на краю болота! Там непонятную рыбу поймали... наполовину плавники, наполовину лапы.

– А для оборонной промышленности она сгодится? – спросил я сурово. – Для военно-промышленного... э-э... производства?

– Ваше величество?

– Сейчас все работает на оборону отечества, – сказал я сурово. – А ты что, из другого отдела?.. Надеюсь, здесь все засекречено? Вольно.

Он замер, а разведчик ухмыльнулся и молча указал взглядом в сторону разросшегося кустарника.

Я уловил возбужденные голоса, среди них и резкий тенорок Карла-Антон, что в возбуждении срывается на дискант.

Где край болота, не знает само болото, разведчик раздвинул кусты, дальше в десятке шагов от нас трое мужчин в профессионально длинных халатах, хотя их можно называть и плащами. Шляпы все одинакового размера и формы, только у одного с орлиным пером за тулей, явно знак отличия.

Все трое оглянулись, Карл-Антон радостно заулыбался было, но тут же опомнился, отвесил почтительнейший поклон и замер в ожидании.

– Карл, – сказал я, – сейчас было важное заседание совета. Вы прятались в уголке и даже не пискнули. Полагаю, на

следующем вам тоже стоит быть обязательно! Да, весьма.

Он отшатнулся.

– Ваше величество!

– Вот-вот, – сказал я, – потому я и. В данный момент я, выказывая величайшее уважение будущей науке и ее прорывным достижениям в ряде непонятных тебе областей, явился сюда лично, дабы.

Он прошептал в муке:

– Ваше величество...

– Ибо понимаю, – ответил я значительно. – И ценю ростки. Бурьян, как известно, есть ценнейшее лекарство, свойства которого пока еще не открыты алхимиками и вряд ли будут открыты наукой. Ну, ты все понял. А теперь песни о главном. На совещании все бряцали оружием и обещали красиво умереть в сражении за. Или против, неважно. Но мне нужна победа, одна на всех. За ценой, понятно, не стоим, платим не мы, не жалко. Отступать некуда, все равно погибель, так что все и всегда твердо и прямо глядя. Присваивать победу даже не придется, все равно мне припишут!

Он слушал в напряжении, тщетно стараясь выловить в моей цветистой речи смысл, наконец просто догадался:

– Ваше величество желает... поручить нечто нам?

Я изумился:

– Разве еще не сказал? Эх, все ученые такие непонятливые... Вам поручаю не просто нечто, а самое главное. Найти мощное оружие против этих противников.

– Ваше величество...

Я вскинул ладонь, останавливая вопросы.

– Как только пришельцы покажутся из корабля, разведчики тут же сообщат. Мы постараемся определить, конечно, что и как, но я спинным мозгом чувствую, что наши мечи и копья будут не очень-то весомым аргументом.

Он спросил шепотом:

– Полагаете... прилетят маги?

– Можно сказать и так, – согласился я. – Высокая алхимия неотличима от магии. Умно я сказал? То-то. Хорошо изрекать вещи, которые в этом краю еще не слышали, таким умным начинаю казаться даже себе... То оружие, которое применит противник, я объявляю нелегитимным.

– Ваше величество?

– Недостойным, – пояснил я, – и запрещенным церковью. Пусть она еще и не знает о нем, но точно запретит, ибо церковь вообще-то за гуманизм, человеколюбие и уничтожение всех несогласных с нею. А раз противник недостоин и нелегитимен, то он вне правил. Это понятно?

Он пробормотал:

– Это понятно как ясный день.

– Значит, – сказал я, – против него можно применять любое оружие. Потому сразу переберите и достаньте из кладовок все самое смертоносное, самое гадкое и опасное. Никто не будет виноват за его применение, я всю ответственность беру на себя, запомните!.. А вас освобождаю от химеры.

За нами послышались мягкие конские шаги по толстому слою мха и густой травы. Норберт остановил коня в трех шагах, лицо бесстрастно, он хоть и признает полезность в этом мире лекарей, знахарей и колдунов, но не одобряет, когда король проводит с ними слишком много времени.

– Ваше величество, – произнес он сухо, – все еще ничего.

– От разведчиков?

Он кивнул.

– Наблюдает по-прежнему издали, еще один разъезд объехал дважды вокруг их крепости, но ворот не обнаружил, хотя пытался что-то там процарапать.

– У пришлых свои технологии, – ответил я. – Хотя это может быть маскировка. Высадка десанта должна быть неожиданной. В неожиданном месте.

Он сказал медленно:

– Но пока никто не вышел. С чем-то связано, как вы думаете?

Я поднял голову к небу, солнце немилосердно жжет в темя с зенита.

– Слишком долго готовят, – сказал я, – свои колесницы. Боевые колесницы.

– Ваше величество?

– Не пешком же выйдут? – сказал я высокомерно. – Для прилетевших со звезд это почти унижительно. Разведка наблюдает со всех сторон?

– Глаз не сводит, – заверил он. – Мы же не знаем, с какой

стороны появятся!.. Но все стараются держаться на расстоянии. Хотя, конечно, эти ребята рискуют особо.

– Тогда едем, – велел я. – Карл-Антон, продолжайте в том ключе, который я изволил вам дать.

Карл-Антон смиренно поклонился.

– Со всем смирением, ваше величество!

– Сэр Норберт, – сказал я, – а мы посмотрим еще разок на эту штуку вблизи.

– Ваше величество!

– Не спорить, – велел я властно. – Подвергаетесь опасности вы, а не я. Мой конь быстрее, унесет.

Норберт покачал головой. Взгляд говорил, что никакой конь не унесет, если не увидит опасности или не получит приказа от седока, да я и сам понимаю, но шансов все-таки больше, что унесет, да и сейчас, когда на карту поставлено все... какие разговоры о риске?

Глава 4

Лес тревожно шумит, деревья раскачиваются под порывами сильного ветра, словно появление Маркуса принесло тайфуны. Разведчики Норберта осторожно наблюдают из-за деревьев за этим чудовищным образованием, которое я почему-то называю кораблем, но ведь и ковчег не был кораблем, хотя невежды с завидным упорством постоянно рисуют его в виде корабля.

Мы с Бобиком тоже всматриваемся изо всех сил. Голова начинает трещать, как спелый арбуз, но там пока тихо, даже не понять, где могут быть ворота, просто чудовищно огромный купол, накрывший чуть ли не всю долину, краем придавил часть холма так, что почти касается скардера.

Сэр Норберт, как и положено, не отходит от меня ни на шаг – я же в расположении его отряда, как бы несет ответственность за сюзерена, – то быстро зыркает на своих людей, то выжидающе смотрит на меня.

– Не выходят, – сказал он наконец то ли с досадой, то ли с облегчением. – Присматриваются?

– Или привыкают, – ответил я. – Все-таки пять тысяч лет их здесь не было. Могли и затерять старые рукописи.

– Старые карты?

– Да, их самых.

– А если это они и были? – спросил он.

Я поежился.

— Знаете ли... бессмертные ангелы или демоны меня не так пугают, как бессмертные люди. У людей дурная привычка совершенствоваться.

— В искусстве войны?

— А в чем же еще? — спросил я. — В этом все мы в первую очередь. Иначе какое там плодиться и размножаться? Плодятся и размножаются лучше всего те, кто и убивает лучше всех.

Он посмотрел на меня искоса.

— Ваше величество, у вас такое лицо, как будто только сейчас поняли эту нехитрую истину. Любому же крестьянину все ясно!

— Да у меня всегда так, — ответил я. — Сложное хватаю на лету, а простое ставит в тупик. Вот до сих пор не пойму, почему вода мокрая, а снег холодный... Постойте, вон там у них слева... видите, скалу раскрошило, как горку песка?.. Там вроде бы цвет отличается. Пятно такое...

— Думаете, ворота?

— Должны же они откуда-то появиться?

Я подумал, сказал решительно:

— Все оставайтесь здесь, а я проскачу вокруг этой штуки. Тихо-тихо, никаких протестов! Вы же знаете, броня моя крепка, лошадка моя быстра...

Норберт посмотрел на меня как на мальчишку.

— Ваше величество! Вы... отдаете себе отчет?

– Частично, – признался я. – Но что-то подсказывает, что...

Он прервал, чего раньше не делал:

– Что вам, ваше величество, или кто подсказывает? Не тот ли, кто незримо следует за нами и стоит всегда за левым плечом? Лучше поплюйте на него!

– Интуиция, – ответил я. – Озарение, ощущение... в общем, мне иногда то, что Господь вложил во всех нас, подсказывает достаточно ясно, чего бояться, а чего нет.

– Ваше величество?

– Жаль, – пояснил я со вздохом, – советов не дает, только чувство... Но пока и это помогает просто здорово!.. Я ненадолго.

Арбогастр поглядывал на меня с недоумением, почему бы не помчаться так, чтобы ветер ревел и выл вокруг, везде пусто, никого не собьем, но я пустил его рысью, потом вовсе перевел на иноходь. Маркус вырастает, хотя и так загораживает собой половину неба и вообще половину мира, но еще страшнее от его мрачной и надменной неподвижности.

Бобик раньше арбогастра сообразил, чего я хочу, промчался сперва к подножию этой багровой горы, вблизи еще больше похожей на раскаленную болванку металла, из которой куются звезды и новые миры, затем побежал вприпрыжку вдоль стены.

Мы с арбогастром приблизились вплотную, я не решился протянуть руку и потрогать, чувство опасности не

спит, вблизи Маркус выглядит как абсолютно ровная и прямая стена, при таких размерах кривизна просто незаметна вблизи.

— Что же ты за такое, — прошептал я в тоске. — Что отвечаю своим измученным людям, когда вернусь, а они обступят с вопрошающими глазами...

Даже не металл, как мне казалось подспудно. Волосы встали дыбом, легонько тряхнуло, по нервам промчался огонь, захотелось плакать от чего-то странного, унижающего. И не только потому, что муравей перед опускающейся на меня скалой, а от непонимания, что это; только и осознаю, что нечто превосходящее на сотни порядков, не то темная материя, не то само спрессованное пространство-время.

Бобик весело гавкнул, я дернулся и ухватился за рукоять меча, но, оказывается, Адский Пес всего лишь обращает мое внимание на роющего прямо у красной стены нору толстого барсука.

— Нет, — сказал я, — с барсуком в пасти ты не воин.

Он посмотрел с укором, но тут же подпрыгнул весело, уже простив меня, помчался вдоль стены, похожий на черный смерч, скользящий вдоль стены отвердевшего жаркого пламени.

Я обогнул треть Маркуса и начал тревожиться, не обнаружив ничего похожего на люки, ворота или даже двери. И вообще вблизи он еще больше напоминает отполированную до блеска перевернутую вверх дном исполинскую чашу из ме-

талла.

Бобик исчез впереди, мы преодолели с арбогастром еще около мили вдоль этой стены, когда сзади услышали стремительно приближающееся жаркое сопение.

Адский Пес, поняв, чего я хочу, ускорился и, обежав Маркус вокруг на большой скорости, нагнал нас, когда не прошли еще и половины, запрыгал вокруг, донельзя довольный и счастливый, на арбогастра смотрел победно, тот фыркал и вскидывал голову, лорды не спешат и не суетятся, они шествуют, как подобает благородному племени.

После первого и достаточно широкого круга вдоль этого чудовищно огромного купола пошли по спирали, пока я не коснулся вытянутой в сторону рукой этой странной стены багрового цвета, холодной и абсолютно гладкой.

Гладкой настолько, что любая пыль и грязь соскользнет. Для нее нужны крохотные поры, чтобы зацепиться, а здесь в самом деле идеально ровная поверхность...

Если это тот же Маркус, что прилетал пять тысяч лет тому, то его обшивка должна быть вся изъедена микрометеоритами и космической пылью, что при огромных скоростях изгрызет все что угодно...

Хотя, конечно, даже при моем уровне знаний можно предположить самовосстанавливающуюся поверхность. Даже я знаю несколько вариантов, как это делается, а у создателей Маркуса возможностей явно побольше.

Или же вариант еще круче, обшивка в самом деле из ней-

трида. Ядра стиснуты без промежутков, как в недрах нейтронной звезды. Такое ничто на свете просто не может поцарапать.

– Все, – сказал я решительно, – хорошего понемножку!.. В лес, все в лес!.. Бобик, не отставать!

Разведчики встретили меня с блестящими от восторга глазами, один воскликнул с придыханием:

– Мы видели, видели!

– Вы даже пощупали эту штуку! – сказал ликуяще второй.

Норберт сказал по-прежнему строго:

– Ваше величество!

Я сказал громко, чтобы слышали его люди:

– Вы были правы, сэр Норберт. С моей стороны это было больше глупое лихачество. Ничего особо полезного не узнал.

Его лицо смягчилось, самую чуточку, почти незаметно, но для всегда строгого и сурового начальника внешней разведки и это много.

– Но ваша интуиция не подвела, – проговорил он тоже громко, чтобы не позволить мне уронить свой авторитет еще ниже. – Никто не выскочил, не пытался вас перехватить... Вы сказали, ничего особо полезного?

Я правильно понял подтекст, кивнул.

– Да, ничего особенного. Так, по мелочи. К примеру, их кузнецы неизмеримо лучше наших.

– Ваше величество?

– Обшивка, – пояснил я, – как зеркало! Ни единой цара-

пины. Даже таких, что оставляет муха, ползая по стальному панцирю, у нее на лапах есть коготки, сам видел.

Он не удивился, судя по взгляду, есть такие люди, одни умеют зреть очень далеко, другие видят совсем уж мелкие вещи. Правда, эти люди обычно полные недотепы во всем остальном, а то и вовсе беспомощны.

– Значит, – сказал он задумчиво, – стрелы наших лучников могут не просадить их панцири. Если, конечно, сделаны из такой же стали.

– Боюсь, – ответил я, – арбалетчикам тоже не по зубам. Хотя попробовать надо.

– Даже вблизи?

– Даже в упор, – ответил я. – Надо искать другие способы.

– Ваше величество?

Я пожал плечами.

– Не знаю... К примеру, выставить колдунов и магов на переднюю линию.

Он выпрямился, произнес суховато:

– Нас обвинят в бесчестных методах ведения войны.

– Беру все на себя, – ответил я уверенно, но посмотрел в его холодные глаза и понял: не пройдет. Рыцари – не послушные оловянные солдатики, у них собственные представления о чести, гордости и достоинстве. За сюзереном идут потому, что сами добровольно принесли ему клятву верности, но если тот будет вести себя недостойно рыцарского кодекса, то могут бросить свои клятвы ему под ноги. – Сэр

Норберт... а если прибыли вовсе не рыцари?.

Он подумал, ответил решительно:

– Даже с простолюдинами нужно вести себя честно.

– Там могут быть даже не простолюдины, – сказал я и, увидев его непонимающее выражение, пояснил: – Скажем, преступники. Изгои. Которых не стали казнить, а посадили в лодку и пустили в бурное море.

Он покачал головой.

– Ничего себе лодка.

– Мы судим по себе, – ответил я. – Но кто знает масштабы их звездной империи?

Он задумался, а я повернул арбогастра и пустил вскачь к лесу. Там на краю, однако, согласно моему строжайшему приказу, благоразумно оставаясь за деревьями, нас встретили Альбрехт, лорд Робер, Тамплиер с Сигизмундом, несколько знатных рыцарей, помню их лица, они охраняли скардер.

Рыцари окружили раньше, чем я покинул седло, примчался Норберт и сразу же сообщил кому-то довольно громко, чтоб слышали и другие, что король вел себя несколько рискованно, что для него свойственно, однако выяснил кое-что полезное для нашей обороны.

Спасибо, Норберт, подумал я с теплотой. Наедине критикует, но на людях всячески поддерживает мой авторитет. Спасибо, старый солдат.

Альбрехт идет рядом справа, некоторое время молчал, да-

вая мне собраться с мыслями, но поглядывал искоса на мое лицо все чаще и все более испытующе.

– Ваше величество, – поинтересовался он почти нейтральным тоном, – вас, похоже, это не удивило?

– Что?

– Что прибывшие все еще не показываются наружу! Разве сверху не видели, что рядом с этой штукой, этим маяком, два больших города, где людей как муравьев? И богатые села по сто домов?

Я ответил осторожно:

– Граф, пока только предположения.

– Ваше величество?

– Догадки, – уточнил я. – Не предположения, а всего лишь догадки, пока ничем не подкрепленные.

– А можно мне...

– Можно, – ответил я.

– Тогда поделитесь, – попросил он.

– Не стану, – ответил я веско. – Государственный муж должен следить за тем, что брякает направо и налево. Даже в таких вот! Вот приду к какому-то мнению, тогда и скажу. Много у нас таких, кому лишь бы поговорить!.. Сам такой, знаю.

Он посмотрел исподлобья, вздохнул.

– Как скажете, ваше величество.

Перед шатром я повернулся к почтительно идущей сзади свите. У всех серьезные встревоженные лица, уже все знают о моей нахальной выходке, в глазах рыцарей полное одобре-

ние, и чем их обладатель моложе, тем больше восторга в его взгляде и даже обожания за такую дерзость.

Только Альбрехт, Норберт, отец Дитрих, даже лорд Робер смотрят внимательно и без восторга.

– Пока могу сказать немного, – заявил я уверенно, – даже мало, но все же это лучше, чем ничего. Тактильный анализ поверхности Маркуса, что значит удалось пощупать, говорит о его необыкновенной прочности. Если в таких же доспехах выйдут пришельцы, то методы войны надо будет пересматривать... Второе умозаключение, выведенное из щупанья обшивки: там не демоны!

Никто не проронил ни слова, ищут и не находят, как это вытекает из щупанья обшивки.

Альбрехт поинтересовался:

– Ваше величество, я вижу, не один я поставлен в эту странную позу, которую вы элегантно называете тупиком.

– Понимаю, – ответил я, – это не первый раз, верно?

Он кивнул.

– Все так. Вы часто ставите так в такое интересное положение. Так все же почему не демоны? Это очень важная догадка. Не ложная?

– Уверен, – сказал я, – но не совсем. А как бы так. Как все мы в состоянии вспомнить, демоны не пользуются кораблями, телегами или чем-то еще. Они всегда или бегают на своих двоих, либо летают, либо плавают. И все обычно делают намного лучше нас, так что любые приспособления им без

надобности.

– Как и животные? – спросил со своего места сэр Робер.

– Да, – ответил я, – только животным не хватает ума, а демонам... уж и не знаю, но демоны не в состоянии преодолеть даже реку, не говоря уже о пространствах пошире! А с людьми, как мы знаем, с одной стороны, драться намного легче, с другой...

– Труднее, – договорил Альбрехт и оглянулся на лордов. – Люди изобретательнее. Хотя не у всех наших противников есть такие полководцы, как наш король.

Ну спасибо, мелькнула мысль. Впервые он так при всем народе похвалил меня. Значит, дела наши не просто плохи, а катастрофические. Как будто я сам не знаю, так еще и напомнил, свинья.

– Спасибо, – ответил я жирным голосом, – спасибо за высокую оценку. Но мы в самом деле еще не проиграли битву. Мы просто увидели мощь противника, воплощенную в его корабле!.. На сем краткое совещание заканчиваем. Прошу все время помнить, что... да ладно, просто помните!

Глава 5

Я повернулся и нырнул в шатер. Альбрехт на правах лорда-канцлера последовал сзади, сказал в спину тихонько:

– Впервые вижу такое совещание.

– Граф?

Он криво улыбнулся.

– Вы никому не дали слова сказать. Посовещались, значит.

Я поморщился.

– Это было не совещание, а королевская речь. О чем совещаться, когда нет данных? Главное сейчас – внушить всем, что ничего не потеряно, потягаемся и с таким противником. А они, надеюсь, передадут мою уверенность своим подопечным.

– А у вас есть эта уверенность?

– Еще бы, – отрезал я. – Граф, я всегда уверен!.. За исключением тех редких моментов, когда не уверен, но это бывает так редко! Исключительно редко. Не чаще двух-трех раз в день.

– Тогда у нас есть шансы на победу, – ответил он с сухой иронией. – Ваше величество?

– Граф, – сказал я так же сухо, – нам либо осталось жить несколько дней... пока пришельцы не наберут достаточно людей в трюмы, либо это им осталось несколько дней.

Другого не дано. Так что в таком вот ракурсе.

Он поклонился без всякой иронии.

– Ваше величество.

– Граф.

Я тяжело опустился на лавку раньше, чем за ним опустился полог. Во всем теле нехорошая тяжесть, словно целый день ворочал горы, даже ноги налились горячим свинцом.

Карту разложил на столешнице больше по привычке, и так в память четко врезана долина Отца Миелиса, Штайнфурт и Воссу, а также два десятка крупных сел поблизости, за счет которых кормятся эти города. Дальше обозначены деревни, мелкие, но множество, туда звездные захватчики пойдут в последнюю очередь.

Не знаю возможности пришельцев, но мы сделали все, чтобы затруднить им ловлю. Те отряды, что я велел расположить в Штайнфурте и Воссу, сразу же с приземлением Маркуса начали выгонять народ из домов и направлять в лес. Тех, кто противился, принуждали. Вообще-то я отдал достаточно бесчеловечный приказ: убивать желающих остаться в городе, если это не старики или беременные женщины.

Конечно, это преступно, я и не говорю, что это хорошо, но если пришельцы наберут достаточно людей в этих двух городах и поднимутся в верхние слои атмосферы, их не достать, а оттуда легко и просто вспашут земные пласты на десятки ярдов в глубину.

Потому да, лучше по моему приказу убьют несколько де-

сятков дураков, остальные все же испугаются и побегут в лес, чем позволю слюнявому гуманизму погубить все человечество и всю так трудно и с такой кровью выращиваемую цивилизацию.

Сквозь тонкую ткань стенки шатра проступает некое смутное свечение, оранжево-красное, далеко на краю лагеря разгорается костер, несколько мужиков в одежде простолюдинов сидят вокруг, один подбрасывает ветви в и без того жаркое пламя.

Я только отпустил полог и открыл рот для крика, но там подбежал один из людей Норберта, ногой разбросал горящие ветки, наорал, а крестьяне вскочили и жалко кланяются, прижимая к груди шапки.

Ко мне, завидев сюзерена, поспешил лорд Робер.

– Ваше величество?.. Что прикажете?

Я поморщился.

– Зачем крестьян сюда взяли?

– Сами пришли, – ответил он. – Просят защиты, а рыцари отказывать в защите не вправе никому.

– Могут нас выдать, – буркнул я. – Даже нечаянно. Гамом, блужданием по лесу. Придется их ограничить.

– Они напуганы, – пояснил он, – и жмутся к нам, как овцы. Их из лесу палкой не выгонишь!

– Обнаглеют, – буркнул я. – Люди вообще наглые существа, а простолюдины так вообще... Ладно, это не самая важная проблема. Вижу, их уже приводят в чувство. Что с Мар-

кусом?

– Все еще никто не показывается, – сообщил он. – Разведчики кружат на расстоянии, как вы и велели. Это все, что знаю, сэр Норберт расскажет больше.

– Ладно, – сказал я, – сообщайте о любом изменении ситуации. Где граф Альбрехт?

– Рассылает посланцев к шателленским и бурнандским лордам, – ответил он с готовностью. – Как вы и велели, они должны были укрыться в лесах поблизости. Из Великой Упарингии...

– Улагорнии, – поправил я сварливо. – Это центр зарождающейся...

– Империи? – подсказал он.

Я посмотрел строго.

– И вы о том же? Это вас граф Гуммельсберг подучил?

Он скромно потупился.

– Ваше величество, лорды с недавнего времени все чаще об этом поговаривают... все громче. Под вашей дланью столько королевств, нужен один центр и одна власть! Иначе все развалится. А момент сейчас удобнее некуда. Никто и не пикнет против. Все понимают, в такое время все должно быть в одном крепком кулаке!

Я отмахнулся.

– Сейчас не до того, любезный лорд. Думаю, граф Гуммельсберг желает проверить, укрылись шателленцы и бурнандцы в лесу, как им было велено?

– Могут счесть это позором, – согласился лорд, – и винить их за это трудно.

– Я политик, – ответил я зло, – мне людей жалко! Я лучше угроблю их там, где это будет выгодно мне и обществу, а когда гибнут вот так по дури, у меня сердце хозяйственника обливается кровью!

– Надеюсь, – проговорил он несколько озадаченно, – граф Гуммельсберг вовремя заметит, если наши союзники поведут себя слишком открыто. А он умеет находить слова убеждения.

– Хорошо, – сказал я. – Если что, я на месте, зовите срочно. О любых новостях докладывать немедленно. Если новостей нет... докладывать тем более!

Мне и докладывали час за часом, что новостей нет, чудовищный багровый купол не выказывает признаков жизни. Кто-то предположил, что все могли погибнуть от удара, вон как землю тряхнуло, теперь бы ворваться туда да все вынести, там могут быть несметные богатства...

Я уставился на Альбрехта, больно мрачен, лицо стало серым, будто всю жизнь нюхает болотную вонь.

– А уцелевших изнасиловать, – сказал я едко, – можно и полумертвых. Противника даже нужно для чувства превосходства, без которого мужчинам жить трудно, а война все спишет... Нет уж, ждите!

Он проговорил вяло:

– Ваше величество?

– Они что-то готовят, – пояснил я. – Возможно, выедут... на особо громадных повозках, покрытых толстыми стальными листами. Возможно, что-то еще... Ждите! Как терпеливо жду я.

– Это вы терпеливо? – спросил он.

– А то!

– У вас левый глаз начал дергаться, – сказал он уличающе, – ваше величество. Полагаю, от великого долготерпения.

– Христос терпел, – изрек я, – и нам велел. Типа того!

Он поклонился.

– Понятно, ваше величество... Позвольте?

– Позволяю, – ответил я и не стал уточнять, что именно позволяю: монарх, а тем более император, не должен быть мелочным.

Из Маркуса, как докладывают час за часом, никто не показывается, а уже прошло несколько часов с момента посадки. Наконец догорел закат, необыкновенно красочный, такой был разве что при сотворении мира, на землю опустилась звездная ночь.

Веки мои налились горячим свинцом, отяжелели. Тепло потекло по всему телу, в аду было не до сна, начал сладостно погружаться в наконецтовый отдых, однако за стенкой шатра слышались торопливые шаги.

Я насторожился, сон моментально слетел, кто-то не просто спешит, а мчится в темноте. Мои телохранители что-то

спросили тихо, но тут же распахнули полог.

Старший из них крикнул:

– Ваше величество... От сэра Норберта!

Вбежал молодой парень, дышит шумно, но старается двигаться бесшумно, доложил шепотом:

– Ваше величество, простите.

Следом вошел Альбрехт, одетый, собранный, на перевязи меч в ножнах, молча остановился у порога.

Я приподнялся на локте.

– Говори быстро!

– Они, – сказал разведчик скороговоркой, – выходят!

Я не заметил, как оказался на ногах.

– Сейчас? В потемках? Ночью?

– Да, ваше величество!

Альбрехт сказал быстро и тревожно:

– А что, очень мудро. Нападать, действительно, лучше всего ночью. Захватить врасплох спящими. Охрану перебить, остальных быстро повязать... Это опасный противник!

– Еще бы, – сказал я. – Наверное, ночью видят... неплохо. Может быть, даже хорошо. А то и очень хорошо!

– Как совы?

– Или мыши, – ответил я. – Летучие. Что ж, я посмотрю, что там и как это они делают.

Альбрехт сказал предостерегающе:

– Ваше величество.

– Ни слова, – оборвал я. – Ваши возражения знаю. Но я

на своем коне сумею уйти и от бабушки, и от дедушки.

– Возможно, сумеете, – уточнил он.

– Если я не уйду, – сказал я безжалостно, – то и никто не сумеет. Даже не попытаются бежать, чтобы принести ценные сведения! Красиво и глупо вступят в бой с неведомым противником, не зная ни его численности, ни его сил, ни его возможностей.

Он смолчал, не мальчик, понимает мою правоту, но все мы зависим от мнения общества, что требует именно вступить в бой с любым противником и не опозориться в бегстве, даже если один против целой армии.

– Хорошо, – ответил он хмуро. – Я все же велел подготовить отряд и выслать на опушку. Там их встретят разведчики Норберта.

– Подготовить, – проворчал я, скрывая волнение, – должны быть готовы!

– Готовые уже отправлены, – сообщил он бесстрастно. – А этих подготовить на замену.

Я выскочил наружу, нимало не заботясь, успевает ли, в таких делах он не сильно отстанет, свистнул арбогастру.

Через несколько секунд огромный черный конь вынырнул из тьмы, пугая народ багровыми отблесками на блестящей шкуре и багровым огнем в глазах.

Двое воинов бросились к нему, то ли поддержать повод, то ли стремя королю. Я запрыгнул с разбега, вызвав восхищенные ахи, арбогастр повыше рядового коня, да и страшнова-

тее, ухватил повод и сказал резко:

— Бдить и не высовываться!

Бобик толстой черной молнией выметнулся следом с такой скоростью, что растянулся на несколько десятков ярдов, так показалось ошарашенным часовым, но успел догнать нас почти сразу, еще не домчались до опушки.

Ночью темно, что понятно, но темно по-настоящему именно в лесу, где густые кроны скрывают звездное небо. Даже когда тучи, и то что-то пробивается на землю, а когда еще и луна, то вообще раздолье, чувствуешь некую прелесть в таком сдержанном и весьма интимном освещении, как при слабых свечах в спальне.

Арбогастр пронесся по лесу, лавируя между деревьями, как заяц, нимало не заботясь о нависающих суковатых ветках, что легко сбросят и закованного в турнирные доспехи рыцаря.

Я вовремя пригибался, он это знает, почти распластывался на его спине и шее, превращаясь почти в студень, мир ночью черно-белый, вернее, серый с множеством оттенков, но для нас обоих отчетливо зримый во всех мельчайших деталях.

Впереди деревья стали массивнее, выше, арбогастр сбросил скорость. Между могучими стволами проступила более светлая равнина. Навстречу выбежали двое из отряда Норберта, приняли арбогастра.

Один сказал торопливым шепотом:

- Выходят, ваше величество!
- Куда направились?
- Пока стоят, ваше величество.
- Вышли и стоят?

– Да, ваше величество! Накапливаются. Иногда возвращаются в... эту крепость.

На выходе из леса между деревьями устроились наблюдатели, переговариваются тихонько, никто, как я и велел, не подхватился с земли при моем появлении.

- Ваше величество, – проговорил он.
- Вижу, – оборвал я. – Не мешай.

Ночь безлунная, на темном небе совсем черные тучи, звезды проглядывают редко, да и то сквозь мглу. Тоска и страх снова сжали грудь так, что вздохнуть трудно.

Маркус, чудовищно огромный и ужасающий, должен был остаться висеть в небе, а на землю опуститься десантный корабль, пусть не с авианосец, но с линкор. Должны были распахнуться невидимые пока люки, на землю сыпануть закопанные в скафандры чудовища... но почему-то жизнь всякий раз подсовывает не то, что ждем.

- Ваше величество...

Норберт напрягся, я это ощутил всем телом, протянул вперед руку. Сердце мое застучало чаще, у края багровой стены возникли высокие, даже отсюда видно, и вполне человекоподобные фигуры.

- Люди, – сказал он, в голосе звучало облегчение. – Все-

таки люди.

– Да, – ответил я и с удивлением ощутил, что у самого отлегло, словно люди – это чем-то лучше, чем звери. – Хоть что-то понятно.

– Но все равно демоны, – проговорил он с убеждением. – Люди не могут... вот на таком!

– Конечно-конечно, – согласился я. – Потому никаких правил!

Даже с моим зрением, когда ночь не ночь, а просто бесцветный и унылый день, я не мог понять, что там смутно то появляется у темной и высокой, закрывающей небо стены, то исчезает снова, но ощутил, что страшное напряжение, как ни странно, чуточку отпускает.

Никаких бронированных тараканов размером с сарай, ничего похожего на исполинские боевые машины, а их, по идее, должны выдвинуть из корабля-матки первыми. Существа, что смутно угадываются в тени, не крупнее нас, вполне человекоподобные, если судить отсюда, только головы сильно опущены, словно им не разрешено смотреть вверх.

Разведчик рядом прошептал:

– Сейчас будут выводить коней!

– Ты хорошо их видишь? – спросил я.

Он ответил тем же горячим шепотом:

– Да, а еще помогает амулет... А вы, ваше величество, как погляжу, без всякого амулета?

– Я король, – ответил я скромно, – мне положено всех вас

видеть начистоту. Чтоб даже в темноте не спрятались.

– Ох, – ответил он встревоженно, – опасный вы король...
Ваше величество, они уходят!

Глава 6

Я вздрогнул: группа темных фигур отделилась от корабля и с большой скоростью понеслась прочь. Что-то в их беге показалось неправильным, я всматривался и не мог понять, разве что уносятся так, словно их подхватил ураган.

Разведчик вздохнул тихохонько:

– Шустрые... Но как же... без доспехов? Или я не рассмотрел? А кони? Или это выпустили таких, как мы? Посмотреть, где и что? Но все равно – как без коней?.. Мужчины без меча и коня – не мужчина...

– Пошли в сторону Штайнфурта, – определил я.

– Далековато, – ответил он. – Но как же без коней?

Я проговорил сдавленно:

– А вдруг они сейчас как раз берут разгон.

– А потом взлетят?

– Все может быть, – ответил я. – Эти демоны... из очень дальних стран. Очень.

– Каких у нас не знают?

– Да.

Последние темные фигуры исчезли, но мы продолжали всматриваться в корабль. Над нашими головами спросонья чирикнула противным тонким голосом птичка, мы подпрыгнули, хватаясь за оружие.

Сзади сказали успокаивающе:

– Это мы, мы!.. Бдим. Все в порядке, ваше величество!

Я перевел дыхание, медленно поднялся на ноги. Разведчики, держась на расстоянии, тем не менее смотрят отовсюду, только вне леса ни одного человека.

Тот, возле которого я присел, сказал виновато:

– Прямо даже не знаю... Как я просмотрел? Только что их не было, а потом вдруг сразу с полдюжины... Глаза мои уже что-то не те, а то и вовсе...

– Некогнитивно, – сказал я. – Честно говоря, я тоже не заметил, откуда появился вон тот, а кто, как не я, должен бдить и все замечать? Так что себя не кори, парень. Сэр Норберт кого попало наблюдать не пошлет.

– Там ворот и не было, – объяснил он. – Вот не было, клянусь! Я хорошо смотрел.

По едва слышному шороху я уловил, к нам со спины приблизились еще несколько человек.

– А как же, – начал мой разведчик.

Сзади кто-то сказал авторитетным шепотом:

– Колдовство. Только колдовство!

– Они же вон какую махину отгрохали, – сказал еще кто-то почтительным голосом. – Тоже колдовством, а как иначе? Так что двери в любом месте для них, что для сэра Киригенда хрюкнуть.

– Я кому-то щас хрюкну, – донесся из темноты угрожающий голос.

– Так не просто хрюкнуть, – сказал разведчик, защища-

ясь, – а доблестно и с достоинством в виде боевого клича! Чтоб никому уже больше не хрюкалось!.. И чтоб хрюк доблестнейшего сэра Киригенда снился ночью, превращая сон в кошмары!

– Умолкни, – сказал из темноты голос, но уже явно ближе, – а то сам тебя умолкну.

– Молчу-молчу, – торопливо сказал разведчик.

В их голосах звучало страшное облегчение, все за эти часы измучились, ожидая чего-то невероятного, а тут все так просто. Выбежали какие-то человечки и шустро убежали в темноту.

– Продолжайте наблюдение, – велел я.

Я пошел к арбогастру, Бобик против обыкновения не прыгает, а смотрит очень внимательно и, как мне показалось, встревоженно.

Разведчики одни остались, но пятеро пошли за мной следом. Один произнес с подозрением:

– Ваше величество...

Я ответил через плечо с оттенком угрозы:

– Ну?

– Если вы задумали какую-то дурь, – сказал он. – то лучше не надо. Дури и у нас хватает. На всех.

– Еще и останется, – согласился другой.

Я покосился в его сторону. Немолодой ветеран, суровый и побывавший в боях, видно по шрамам, поседевший в сражениях, он из тех, кто и с королями говорит по праву стар-

шего по возрасту и опыту.

– Самая большая дурь прибыла в Маркусе, – ответил я, – так что все, что мы ни наворотим, это не дурь вовсе. Они понеслись в Штайнфурт, верно?

Он кивнул, лицо оставалось настороженным.

– Да, направление прямо на Штайнфурт. Если как ворона летит.

– Кто знает, – ответил я, – нужны ли им дороги? Но пленных погонят по дороге, людям летать почему-то не дано.

Он сказал хмуро:

– Понял. Устроить засаду на обратном пути?

– Да, – ответил я. – Освободить пленных, перебить врага.

Кто-то за нашими спинами сказал за вздохом:

– Главное, освободить пленных. Это наша первейшая обязанность...

– Первейшая обязанность, – отрезал я, – освободить человечество! А если эти дураки, отказавшись выполнить приказ, поставили под угрозу всех людей на свете, то освобождать их в мои планы не входит. Разве что попутно!

Они замолчали, мой приказ последние недели кричали по всем площадям городов и по всем селам и деревням: прятаться в лесу, тем самым не только спасут свои жизни, но помогут победе над врагом, потому что тому придется задержаться здесь намного дольше.

Я поднялся в седло, Бобик сделал круг, ломая молодые деревца и пытаясь понять, в какую сторону помчимся среди

ночи, это же так романтично и ужас как увлекательно – пугать спящих зверей и хватать их за шкурку, сонных и одурелых.

– Жестоко, – сказал разведчик невесело, – но сейчас, когда быть или не быть вообще людям на свете...

Он взглянул на меня с сочувствием в глубоко запавших глазах.

– Ваше величество?

– Ладно, – ответил я.

Издали донеслось недовольное конское фырканье, лошади не любят бегать ночью по лесу. Я разглядел небольшой отряд во главе с Альбрехтом. В легких доспехах, забрало опущено, но это для того, как понимаю, чтобы в темноте не выколоть глаза ветками.

Бобик бросился ему навстречу. Я сказал громко:

– Граф, а вас какие ангелы сюда занесли?

– Не те, – огрызнулся он, – что вас... От моих серой не пахнет. Мне седла не покидать?

Бобик напрыгивал и делал вид, что вот-вот стащит на землю, где граф с огромной радостью будет бросать ему далеко в лес бревнышко.

– Оставайтесь в седле, – сказал я с теплотой, – надо бы отправить вас взад, но ладно уж... Сколько с вами людей?

– Полсотни.

– Легкие?

– Другие бы не успели, – ответил он.

– Хорошо, – сказал я. – тогда следуйте за нами. Со всем отрядом.

– А вы следуете...

– Мы следуем за Бобиком, – пояснил я.

– А-а-а, – сказал он, – как вы любите своего страшили! Чтоб ему не было скучно, видите ли!.. Моих полсотни хватит?

– Смотря для чего, – ответил я. – Там на месте увидим. Слишком много непонятного, дорогой граф. У нас будет, так сказать, разведка боем. Одновременно с попыткой освободить пленных.

Он спросил быстро:

– Пленных? Где они?

– Если у пришельцев все пойдет, – ответил я, – как они и планируют, то через два-три часа их можно будет перехватить на обратной дороге к Маркусу. С пленными.

Он сказал очень серьезно:

– Ваше величество... Тогда нужно снять людей побольше?

– Нет, – напомнил я, – это разведка. Разведка боем. В разведку не ходят армией.

– Но если освобождать пленных...

– Они хоть и пленные, – ответил я жестко, – но идиоты. Всем было велено уходить в леса! Как же, а вдруг их добро разворуют!

– Идиоты, – согласился он, – но это наши идиоты, которых

Господь вручил нам и велел о них заботиться.

— Идиотов он вручил церкви, — напомнил я. — А также нищих и блаженных. Ладно, сейчас нам не до идиотов. Возьмите с собой десяток, не больше, и следуйте за мной. А я вот с этим молодцем...

Польщенный разведчик сбегал за припрятанным за деревьями конем, и мы выехали отрядом из леса на простор, хотя это не совсем простор, на всякий случай пугливо жмемся к лесу и едем, почти задевая стремянами за стену могучих деревьев.

Альбрехт послал коня рядом с моим арбогастром, я смотрел вперед, но замечал, как он поглядывает очень серьезно, хотя и отводит взгляд, когда видит, что поворачиваю голову в его сторону.

Норберт некоторое время держался впереди, я видел, как коротко и четко жестикулирует, отправляя разъезды в разные стороны, затем резко остановил коня и дождался нас.

— Все еще темно, — буркнул он, — хотя бы луна взошла.

Альбрехт заметил мрачно:

— Новолуние. Первый день.

— Да, — согласился я, — это первая неожиданность. Кто ожидал насчет ночи?

Норберт кивнул, Альбрехт проговорил задумчиво:

— Враг должен был выйти во всем блеске всей мощи при ярком свете дня. Рано утром. На рассвете. Навстречу утрен-

ней заре!

– Что и непонятно, – добавил Норберт. – Почему?

– Была идея, – напомнил я, – что так хотят заставить врасплох.

Норберт промолчал, на лице несогласие, Альбрехт проговорил мрачно:

– С такой мощью?.. У меня шея затекла, весь леденею, когда смотрю в сторону этого... этой горы.

– Скоро узнаем, – пообещал я.

Кони шли в ряд, Бобик еще не понял, куда едем, потому с тяжелым топотом, словно подкованный слон, носится кругами, выбрасывая лапами, будто копытами, куски земли, явно нарочно, умеет же, гад, мчаться бесшумнее призрака, но так выказывает недоумение и старается привлечь внимание.

Норберт и Альбрехт разом насторожились, заслышав приближающийся стук конских копыт.

Я сказал успокаивающе:

– Это Джек Кривой Лук, десятник.

Норберт покосился на меня с завистью.

– Все забываю, – буркнул он, – что для вас и ночь, как день.

– Если бы, – сказал я. – Краски не вижу. Но что для мужчин краски?

Он не улыбнулся, всадник остановил коня, сказал громким шепотом:

– Гонят!

– По этой дороге? – спросил я.

Он помотал головой.

– Нет, прямо.

– На Маркус?

– Как ворона летит, – уточнил он. – Хорошо, здесь все ровное, даже оврагов по дороге ни одного.

Норберт и Альбрехт молчали, хотя вопросов у них много, вижу по лицам.

– Сколько их? – спросил я.

– Шестеро в охране, – отрапортовал он.

– А пленных?

– Сот пять наберется, – сообщил он. – Как только и успели столько нахватать... Ваше величество, мы не заметили у них никакого оружия! Но пленники их боятся. Бегут, падают, их тут же добивают...

Норберт переспросил недоверчиво:

– Что, вот так сразу?

Он кивнул.

– Да. Остальные страшатся, бегут, как овцы. Жмутся один к одному. И еще, ваше величество...

Он замялся, я сказал строго:

– Ничего не утаивай.

– Мы не заметили у них оружия, – сказал он наконец с задержкой. – Добивают голыми руками. Бегают они, ваше величество, быстрее любой собаки! И вообще...

– Что еще?

– Бьют быстро, – сказал он. – Не уследишь. Я один в отряде, кто видит в ночи, так вот как ни всматривался... Ваше величество, это колдовство?

– Скоро выясним, – ответил я. – Сэр Норберт...

Норберт ответил быстро:

– Уже присмотрел. Вы расположитесь вон там на гребне, а мы ударим из-за этого поворота.

– Хорошо, – согласился я. – Только вы тоже расположитесь со мной. И с графом Гуммельсбергом.

Норберт поморщился.

– Там я нужнее.

– В разведке? – уточнил я. – Не смешите, барон. Ваши ребята управятся. А не управятся, вы не поможете. Как и я. Освободим пленных либо легко, либо не по зубам вообще с нашими нынешними силами.

– Ваше величество?

– Самое главное, – сказал я жестко, – прикажите уходить сразу же, как только увидим возможности этих тварей.

Он переспросил:

– Отступить?

– Если те твари начнут побеждать, – пояснил я, – разведчики должны развернуть коней и гнать во весь опор прочь. Эти твари не станут преследовать.

Он спросил с сомнением:

– Разве?

– Иначе живой товар разбежится! – пояснил я.

Он коротко поклонился.

– Простите, ваше величество, не подумал. Так и сделаем.

Глава 7

Ночь безлунная, жаль, хорошо хоть небо не затянуто тучами. Звезды дают некий призрачный свет, глаза за пару часов притерпелись полностью, уже не только я вижу, что далеко со стороны города показалась темная масса бегущих трусой людей.

Норберт и Альбрехт сперва услышали их хриплое дыхание, то и дело поглядывают на меня, стараясь понять по моему лицу, что я вижу.

У меня сжалось сердце, в бегущей толпе человек пятьсот, разведчик сказал точно, а из охраны... несколько мелькающих фигур по сторонам.

Я всматривался, стараясь понять, что же такое в них неправильное, почему как ножом по стеклу, плечи сами передергиваются, странное омерзение вздыбливает редкую шерсть на спине и руках.

– Всего шестеро, – подтвердил я. – И собрали несколько сотен?

Норберт с облегчением вздохнул.

– Моих там тридцать человек, – буркнул он. – Ладно, посмотрим.

Теперь уже и они с Альбрехтом всматриваются нацеленно, глаза притерпелись к слабому свету звезд, оба напряжены, я сам ощутил, что ладонь моей руки тоже опустилась на

рукоять меча.

Норберт сказал за спиной до жути трезвым голосом:

– Нет, ваше величество. Сэр Альбрехт, вас это касается тоже.

– Мы не можем так все оставить, – прошептал с достоинством Альбрехт, но достаточно неуверенным голосом.

– Можем, – возразил я со вздохом. – Мы уже полководцы, а не ратники. Меч в ножны, сэр Альбрехт!

Норберт произнес сурово:

– Сейчас их встретят мои ребята. А мы посмотрим.

Я смолчал, тоскливое чувство близкого поражения подступило к горлу, как тошнота.

– Пусть отступают, – повторил я. – Нам сейчас не победить важно! Увидеть, чем сильны эти твари. Что в них такого, что создали такую махину... Тут на мой парусный флот смотрят как на чудо, а это ж вообще запредельно. В общем, сэр Норберт...

– Я им уже сказал, – заверил он. – И повторил несколько раз.

Темная масса бегущих приближается с надсадным хрипом и стонами. Пленники не просто шатаются, их от изнеможения бросает из стороны в сторону, бегут уже едва-едва, лица блестят от пота, хотя ночь достаточно холодная.

Конница вылетела из-за леса стремительно, как низко летящие над землей стрижи. Ярko и нехорошо блеснули в слабом свете звезд острые клинки.

Передний всадник прокричал что-то лихое, остальные слегка раздвинулись, чтобы всем было место в схватке.

Я охнул, а рядом люто выругался Альбрехт. Существа с Маркуса, ни на мгновение не колеблясь, сдвинулись с мест и, я не поверил своим глазам, с невероятной скоростью оказались между толпой пленников и скачущими на них конниками Норберта.

Дыхание мое застыло в груди. Переместились твари... слишком быстро. Будь я порастяпистее, сказал бы, что перенеслись, но, конечно, успел заметить, как сдвинулись с мест и за то время, что всадники преодолели два-три ярда, эти прошли десять и остановились, готовые к схватке.

Я прокричал:

– Назад!.. Довольно!

Норберт даже не посмотрел на меня, лицо бледное, дыхание идет со свистом, кулаки сжаты, смотрит неотрывно, мысленно уже там с ними скачет впереди отряда, заносит над головой меч для удара.

Пришельцы не двигались, застывшие, как статуи, пока всадники не налетели всей массой. Я уже чувствовал, что произойдет, и, боюсь, это понял и доблестный сэр Норберт.

Затем эти твари словно исчезли, превратившись в некий смазанный вихрь движений. Но зато я хорошо видел всадников, что вылетали из седел, словно выброшенные неведомой силой, видел встающих на дыбы коней, донеслось испуганное ржание, только лязга мечей так и не услышал.

Норберт прошептал в отчаянии:

– Да что же это...

Я ответил так же тихо:

– Я же велел уходить... Эти твари не пустятся в погоню!

Он сказал яростным шепотом:

– Они бы не выполнили приказ.

Я смолчал в бессилии. Разведчики, может быть, и выполнили бы, у Норберта дисциплина строгая, хотя никто не хочет отступать без боя, это полная потеря чести, но с этими существами, как уже вижу, нельзя подраться и отступить.

Все всадники до единого были выброшены из седел и убиты самым зверским образом. У кого-то оторвали руки, кому-то разmozжили голову, многих просто убили страшными ударами о землю, так что ломались не только все кости, но и тело лопалось, как бурдюк с красным вином.

Норберт то люто ругался шепотом, то читал молитву, а я все смотрел на окончание короткой страшной схватки, и ужас сковал все тело. Шестеро пришельцев со звезд голыми руками убили весь отряд умелых и отважных бойцов. В течение минуты. Даже меньше. Никто из людей не убил ни одной этой твари. А эти существа, похоже, даже не ранены.

На поле схватки осталось и с десяток конских трупов, остальные с диким ржанием разбежались, пришельцы ими почему-то не заинтересовались.

Толпа пленных не успела сделать попытку разбежаться, то ли слишком измучены, то ли все произошло слишком быст-

ро. Пришельцы в мгновение ока оказались перед ними, я не видел, что они сделали, но двое из пленников упали, похоже, убитые ими, остальные с жалобными криками двинулись в прежнем направлении.

Я тупо всматривался в труп коня, что ближе всего к нам. Почти оторвана голова, грудь проломлена с такой силой, словно булыжник, брошенный катапультой, ударил в полную мощь.

Норберт все еще шипел сквозь стиснутые зубы. Я сказал сдержанно:

– Сэр Норберт, ляжем здесь, возможно, мы все. Потому сейчас держитесь.

– Ох, ваше величество...

– Сэр Ричард, – напомнил я. – Мы не на приеме. Это самая тяжелая наша битва. И потери в ней будут такие... что лучше не считать. Смотрите, как зажал себя сэр Альбрехт. Эти пленные для нас уже потеряны. Может быть, когда-то отобьем, спасем, выручим, но не сейчас.

Норберт зло зыркнул на темного от гнева, но неподвижного графа, тяжело и с надсадными хрипами в груди вздохнул.

– Я все понимаю, сэр Ричард. Но душа рвется.

– У меня тоже, – ответил я. – Это и мои люди!.. Сэр Норберт, зажмите себя в кулак.

– Да-да, ваше величество. Я уже все.

– Сейчас, – договорил я, – для победы в самом деле придется отдать не просто много, а все. А мы, с учетом получен-

ных данных, должны начать вырабатывать новую стратегию борьбы с этими чудовищами.

Альбрехт шевельнулся с некоторым трудом, словно ломал застывшую на нем корку льда.

– И тактику, – произнес он. – Ваше вели... сэр Ричард, по прибытии в лагерь созвать военачальников?

– Да, – ответил я. – По дороге расскажете, что случилось. Но без красочных подробностей. Мне нужен не их гнев, а холодные головы.

Он ответил уже почти прежним голосом:

– Да, сэр Ричард. Преклоняюсь перед вашим умением держать себя в руках.

– Не очень-то и умею, – признался я. – Но на людях держу морду лица кирпичом. Так надо. Мы не то, что есть, как думают и говорят дураки, а то, что выказываем другим.

Он вздохнул, взглянул на Норберта.

– Верно. Но не лицемерие ли это? Как церковь на это смотрит?

– Это человечность, – объяснил я. – А церковь... ложь во спасение придумана церковью, иначе жизнь стала бы адом, говори мы то, что думаем. Если хочешь с человеком сохранить хорошие отношения, говори то, что надо, а не что хочется. Потому, сэр Норберт, горе в кулак, улыбайтесь и говорите бодро, что мы выяснили нечто важное об этих мерзких тварях.

Он спросил хмуро:

– Разве что-то выяснили?

– А как же, – ответил я с укором. – Гибель нашего доблестного отряда была не напрасной! Своим героическим поступком, самоотверженностью и преданностью общечеловеческим... нет, слово уже поганое, хотя вообще-то хорошее; в общем, молодыми и светлыми жизнями открыли для нас воинский секрет противника! Те дерутся голыми руками... или предпочитают драться именно так. Эту их особенность необходимо иметь в виду, учитывать, использовать... а также то, что у них не столько воинское умение, как звериная ловкость и сила.

Он зябко передернул плечами.

– Как они двигаются!

– Быстрее нас, – согласился я. – Если еще и соображают так же споро, то нам... придется... да, придется.

– Еще как, – согласился он и посмотрел на меня с надеждой, – но я не представляю, как.

– Если честно, – признался я, – я тоже, но вам разве нужна такая честность? Потому скажу то, что говорить надо: мы вернемся в лагерь, а там придумаем.

Он кивнул.

– Да, сэр Ричард. Зная вас, все же надеюсь... да что там надеюсь, я почти уверен, придумаете! Еще по дороге что-нибудь взбредет светлое и такое нужное смертоносное.

– Ох это «почти», – ответил я со вздохом.

За стеной леса нас молча встретили часовые, рассмот-

рев издали, один предложил проводить до лагеря, но я сказал, что дорогу помним, Бобик подпрыгнул, обращая на себя внимание и заверяя всех, что он отведет нас сам, а несогласных и оттащит.

В лагере люди спят, кто привалившись спиной к дереву, кто набросал на землю свежесрубленных веток и по-царски устроился сверху. Костров мало, все в ямках, чтобы не слишком выдавать наше местоположение.

Мой шатер почти незрим в темноте, из серой ткани, учу маскировке и секретности в этом сером мрачном лесу и вообще в современной войне.

Народу все прибавляется, прибывающие отряды уже не помещаются на болоте, их размещают дальше в лесу.

Нам навстречу высыпал народ, я вскинул обе руки в приветствии и помахал в стороны, запрещая приветственные выкрики.

Беспокойство сэра Норберта, даже страх, если говорить откровеннее, понятны: твари дрались голыми руками, сила их просто невероятная, словно пришли с планеты, где тройная гравитация.

У шатра встретили молчаливые телохранители, отобранные Альбрехтом, и Тамплиер с Сигизмундом. Я поймал взглядом лица лорда Робера, барона Келляве, Кенговейна, кивнул на шатер.

Телохранители, исполняя заодно и роль слуг, открыли для нас вход и придержали полог.

– Сведения получены, – сказал я, не дожидаясь вопросов. – Ясно не все, разумеется, но кое-что известно. Граф, барон, не отставайте!

Альбрехт и Норберт первыми зашли за мной, я указал им на лавку, оба сели и опустили локти на стол. Вид у обоих таков, что сейчас уронят на руки и тяжелые головы.

Лорды зашли степенно и скромно сели по мановению моей длани на лавку.

Лорд Робер сказал почти с ликованием:

– Уже известно? Это же прекрасно!

– Если не обращать внимания на статистику, – уточнил я.

Он переспросил:

– Это... как?

– Отряд за эти сведения погиб, – сообщил я. – Конечно, с церковной точки зрения грустно, зато погибли в бою, а не от старости в постели! Рыцари, а также остальное человечество, если воспитано в правильном направлении, это одобряют.

Норберт смолчал, Альбрехт поморщился. Барон Келляве посмотрел остро и, перекрестившись, заметил сдержанным голосом:

– С церковной точки зрения... они уже попали в рай, если отдали жизни за сведения, полезные нам. Так что и с этой стороны... оправданно.

– Да у нас везде одни оправдания, – согласился я. – Что ни сделай, оправдания себе найдем.

Альбрехт буркнул от стола:

– Еще наши пращуры позаботились.

Барон сказал непоколебимо:

– Даже в Библии такие случаи предусмотрены. Ваше величество, не томите! Какие сведения удалось добыть?

– Ценные, – повторил я горько. – Но невеселые.

Они слушали внимательно, я рассказал с такими подробностями, что и наблюдательный сэр Норберт не мог бы усмотреть, но Келляве не удивился, лицо не дрогнуло, даже когда я сообщил, что ни одному не удалось спастись. Даже если бы кто-то подумал о спасении, все равно бы не успел.

– Это неожиданность, – согласился он в конце моего рассказа. – Не этого ожидали. Ведь вы предупреждали!

– Предупреждал, – согласился я, – только и сам не знал, о чем. Предполагалось, что чужаки должны быть в доспехах получше, копья у них длиннее, мечи острее, а морды ширше.

– А они совсем иные, – сказал он таким голосом, что я вздрогнул, словно барон слово «иные» произнес, подразумевая инопланетян, – и непонятные... Ваше величество, какие будут приказы?

– С учетом изменившейся реальности, – сказал я и подумал, что и у самого такая речь, кто-то из другого времени истолковал бы в другом смысле, – с учетом этих новых крайне важных данных... полученных такой кровавой ценой... мы сейчас вырабатываем новые способы, так сказать, нового типа войны... Что-то вроде партизанской.

– Ваше величество?

– Все так же, – сказал я, – прятать народ, чтоб противнику пришлось раздробляться на все более мелкие отряды. Нападать будем иначе...

– Как?

Я подумал, начал загибать пальцы.

– Первое, это применять дистанционное оружие. Забрасывать дротиками и бить из арбалетов. Второе, атаковать из засады. Третье... придумаем что-то еще. Человеческая мысль, если направлена на благородное дело убийства, работает особенно интенсивно и радостно!

– Это точно, – ответил он серьезно, – то-то охоту так любим... в скучное время перерывов между войнами.

Норберт поднялся, снова собранный, отдохнувший за эти короткие минуты, строгий и внимательный.

– Ваше величество, – произнес он сухо, – мы все поняли. Стрелы, арбалеты, засады... С вашего позволения.

Глава 8

Альбрехт тоже поднялся. Я отпустил остальных движением кончиков пальцев, мое величество изволит погрузиться в раздумья, и они все тихонько вышли на цыпочках.

А я снова и снова восстанавливал моменты от начала схватки и до ее печального завершения. Пришельцы, которых мы начали называть «эти твари», дерутся голыми руками, что ставит меня в тупик, но, похоже, меня одного. Для остальных это и понятно, дескать, они так выказывают свое превосходство и полнейшее презрение к нашим возможностям.

Лорд Робер предполагает, что так они по-рыцарски выравнивают силы, чтобы у них не было слишком уж велико преимущество над нами, но остальные, явно уязвленные, не согласились с такой облагораживающей врага идеей...

Полог осторожно приподнялся, заглянул Сигизмунд.

– Сэр Ричард?

– Входи, – велел я. Сигизмунд в точности выполняет приказы: я велел обращаться ко мне по имени, так и обращается, на что даже мои лорды не морщатся, дескать, у них, паладинов, так, наверное, принято. – А где Тамплиер?

Тамплиер вошел следом, огромный и с засохшей грязью на ногах по самые бедра.

– Здесь, – пробурчал он мощно. – Уже слышал... Надо

было нас взять.

– Вас двоих? – переспросил я и указал на лавку. – Садитесь оба.

Они сели, Тамплиер кивнул в сторону молодого паладина.

– Сэр Сигизмунд обиделся, хоть и молчит.

– Ого, – сказал я, – научился прятать? А раньше сердце было на рукаве. Рад, вырастаете. А противники у нас, сэр Тамплиер, увы, коварные и бесчестные, не признающие благородных рыцарских правил. Потому с ними нужно драться только так, как и они: без всяких раскланиваний! Как со зверем. Если это усвоите, я готов вас пустить в бой.

Сигизмунд сразу ожил, посмотрел на меня с надеждой в ясных детских глазах.

– Сегодня?

– Сейчас ночь, – напомнил я. – Утро вечера мудренее. Может быть, утром вообще откажусь от своих мудрых слов, потому что утренний я всегда старше и умнее того дурака, каким был вчера вечером.

Сигизмунд проговорил жалобно:

– Сэр Ричард, я всегда не понимаю, когда вы так говорите! Тамплиер буркнул:

– Его величество изволит сообщить нам, дуракам, что умнеет с каждым днем. Как вот мы с каждым годом.

Сигизмунд уставился на меня расширенными глазами.

– Правда? Каждое утро?

Тамплиер поморщился.

– Его величество так полагает. Людям надо верить, мой юный друг! А король тоже почти человек.

– Ладно-ладно, – сказал я примирительно. – Идите-ка оба спать. Утром выдвинемся на боевые позиции. Нужно проверить одну идею...

Тамплиер сказал с недоверием:

– Наконец-то. А то уж думал...

– Зачем? – спросил я. – С вашими мышцами, сэр Тамплиер, вам будет неуютно среди мыслителей. Лучше поспите остаток ночи. Все равно больших битв утром не ожидаем.

Он рыкнул недовольно:

– И до каких пор?

– Пока не, – ответил я авторитетно. – Пока не. А потом – да. Вволю! Утром к Маркусу отправим разведывательный отряд. Ваш конь, сэр Тамплиер... для разведки тяжеловат. У него круп, как у сами знаете кого! Видел-видел я вашу домработницу.

Он сердито засопел, гнусная клевета, у него вообще не было домработницы. Не понимает такие моменты, когда вроде бы обращаются к нему, а говорят на публику, а там уже понимающе улыбаются. Рейтинг человечности сэра Тамплиера в таких случаях резко идет вверх, то есть забочусь о своих соратниках, как могу, а могу... достаточно разнообразно.

...Перед восходом заснул на полчаса, но сразу же расплющило ужасом: с неба прямо на меня опускается нейтронная

звезда, не просто раздавит, а всего расплескает в тончайшую пленку, что значит – всех людей на свете убьет, а заодно и вообще все-все...

Проснулся с бешено стучащим сердцем, дыхание вырывается из груди с хрипами. Снова из черноты космоса опускается это чудовищно огромное и превосходящее любой авианосец по размерам, тот рядом с Маркусом смотрелся бы мельче рыбацкой лодки.

И к этому ощущению не могу привыкнуть, хотя днем вроде бы почти не обращаю на Багровую Звезду внимания, голова занята другим, а он как бы вроде резко приблизившаяся часть Большого Хребта, но во сне не просто увидел, а ощутил всю нечеловеческую громадность, ее не объять разумом, не охватить, не вообразить.

Бобик спит на боку, вольно вытянув лапы. Едва я зашевелился, тут же приподнял голову от пола, взгляд сонный, собаки любят поспать даже больше людей.

– Спи, – велел я, – это я так... Давай за нас двоих.

Он тяжело уронил голову, земля как будто даже вздрогнула. Иногда мне кажется, Бобик бывает намного тяжелее своего обычного веса, и вовсе не потому, что наедается от пуза.

Часовой, услышав за стенкой шатра, что одеваюсь, приоткрыл чуть полог.

– Ваше величество, барон Норберт.

– Пусть войдет.

Норберт вошел привычно собранный, но с осунувшимся

лицом и красными от недосыпания глазами.

– Барон, – сказал я.

Он поклонился.

– Ваше величество... еще два отряда чужаков всю ночь прочесывали ближайшие села!

– Насколько успешно? – спросил я.

– Вылавливают, – сообщил он, – но по тому, как долго там задерживаются, не так быстро, как им бы хотелось.

– Священники хорошо поработали, – сказал я, – хорошо. Народ все же не стал ждать покорно гибели.

– Разбегаются, – подтвердил он, – кто в лес, кто в овраги. Чтобы наполнить эту летающую гору, уйдет не одна неделя!

Я со злостью ударил кулаком по столу.

– Сплюньте, сэр Норберт. Они могут ускорить ловлю добычи. Или выслать на поиски не настолько малые отряды.

Он оглянулся, я тоже услышал множество мужских голосов.

– Там подошли ваши лорды, – сказал он.

– Пусть войдут, – ответил я, – а вы останьтесь, а то всегда исчезаете, чтобы лишить меня своего мудрого совета.

Альбрехт вошел первым, дав из не присущей ему деликатности несколько минут королю на самоодевание. Мое величество все еще делает это самостоятельно. На этот раз оправданием служит то, что весь мир в бою, не до слуг и придворного этикета.

На Норберта посмотрел с удивлением, того встретить уда-

ется чаще вне лагеря, а я кивнул в сторону стола.

– Садитесь. Без церемоний, это приказ! Этикетничать будем во дворцах и прочих там.

Альбрехт сказал коротко:

– Ваше величество...

Остальные проходили и садились молча, все без лишних жестов, сдержанные, что и понятно, вот мне только сказать нечего, но я король, мне говорить как раз надо.

– Что мы узнали? – сказал я резко, опуская предисловия. – Эти демоны из звездных глубин такого же роста и размеров, как и мы. Это хорошо, как-то успокаивает. Не гиганты. Однако лучше бы гиганты, скажу честно. У гигантов только сила, они хороши ломать скалы, но проигрывают нам в скорости. А эти...

Я сделал паузу, сэр Норберт ощутил, что даю ему слово, произнес с холодной непреклонностью:

– В скорости очень даже. Намного.

– А еще в силе, – добавил я горько. – Обидно.

– Гигантам не так бы стыдно проиграть, – сказал Альбрехт. – Что говорят... алхимики?

Сэр Норберт напомнил тихонько:

– Сперва нужно бы поинтересоваться, что говорит церковь.

Он перекрестился, за ним перекрестились остальные. Сэр Альбрехт небрежно перекрестил грудь, словно отогнал комаров.

– Да-да, – сказал он, – вы совершенно правы, сэр Норберт. Церковь... да, церковь! Священники что-нибудь решили?

– Нет, – ответил суховаато сэр Норберт, – но это вопрос этикета.

– Ах да, – пробормотал Альбрехт, – кто мы без этикета?... Стадо баранов. Но, мне кажется, молитвы их не остановят. Я имею в виду не баранов, а этих...

– Как и магия, – возразил Норберт. – Те уже пробовали. Как по Маркусу, так и по чужакам.

Я молчал, смотрел и слушал, военачальники высказываются все откровеннее, хотя держатся скованно и понуро, поглядывают исподлобья.

– Что говорит разведка? – спросил я.

Норберт ответил с некоторым недоумением:

– Еще до рассвета захватчики убрались в свой ковчег. И больше никто наружу. Два десятка всадников со всех сторон снова осмотрели... и сейчас осматривают, но пока не отыскали, где же у них ворота. Но как-то же те покидают свою летающую крепость?

– Замаскировались, – предположил лорд Ровер. – Значит, у них мастеровые лучше наших. Это же как нужно двери подогнать, что в щель и конский волосок не просунуть!

– Даже не найти, – напомнил сэр Норберт, – куда тот волосок совать.

Я сказал сухо:

– Если бы церковь могла, она бы остановила это наше-

ствие еще в прошлый раз. Не может быть, чтобы все полезли прятаться под землю!

В шатер вошел отец Дитрих, мне показалось, что он услышал мои последние слова, взглянул с неодобрением.

– Простите, ваше преосвященство, – сказал я.

Он отмахнулся.

– Никаких обид. Все верно. Если это послано Господом, что может человек? Если же это прибыл враг, то это Господь испытывает нас...

Сэр Норберт перекрестился.

– А испытывает только достойных, – сказал он строго. – Так что у нас не все потеряно. Господь мог бы смести нас, как говорит его величество король, одним взмахом божественной длани...

– Значит, – сказал я, – алхимики со своими возможностями могут сделать больше. Я имею в виду, не больше, чем Господь, а больше нас. Хотя могут... но могут и не могут. Остаемся мы наедине с такими могучими и стремительными противниками, что даже брезгают пользоваться оружием. Есть какие-то соображения?

Лорды переглядывались, Альбрехт закусил губу и мучительно раздумывает, Норберт сидит неподвижно с суровым и мрачным лицом, Робер и Келляве скребут ногтями, сами того не замечая, столешницу, а сэр Рокгаллер то тихонько барабанит кончиками пальцев по столу, то спохватывается и убирает руки вовсе.

– Если там все колдуны, – проговорил Кенговейн неуверенно, – что даже через стены ходят, как бороться?

– А что, – спросил я, – можем отказаться?.. Ну вот. Так что пойдем и всех убьем. Тихо-тихо! Всем сесть. И дышать ровнее. Разве я сказал, что вот так сейчас побежим и в один мах решим сложную задачу, поставленную нам, образно говоря, самим Господом? Это неуважение к Творцу!

Отец Дитрих сказал строго:

– Верно сказано. Это выказать неуважение.

Я перекрестился и сказал пламенно:

– К нашему настоящему и несменяемому сюзерену!..

Отец Дитрих посмотрел на меня с некоторым подозрением, я прикусил язык, иногда и самому кажется, что переигрываю, не стоит быть большим папистом, чем сам папа, хотя для религиозного фанатика границ нет.

– Все по коням, – велел я. – Еще раз посмотрим на Маркус в свете дня. Может быть, что-то придумаем.

Норберт умчался вперед, любой военачальник старается проверить своих перед визитом короля, остальные стараются держаться возле сюзерена, но деревья то и дело разъединяют свиту.

Лорд Робер пустил коня рядом, лицо смущенное, сказал с надеждой:

– Ваше величество...

– Да? – ответил я.

Он поклонился.

– Та женщина сказала, что, если не явитесь к императору Герману и не преклоните колено, сюда вломится его все сметающая армия?

Я ответил нехотя:

– Я тоже слышал. И что? Показались его войска?

– Сейчас бы кстати, – тоскливо прошептал он и со страхом посмотрел на небо. – Любую помощь бы... хоть от самого Люцифера!

Альбрехт пустил коня с другой стороны, высокомерно поморщился.

– Лорд Робер...

– Граф?

– На юге, – сказал Альбрехт, – прекрасно видели, что нависающий над миром Маркус опустился у нас. И понимают, как бы императорская армия ни двигалась быстро, к ее приходу тут уже ничего не останется.

Я добавил:

– К тому же императорская армия при всем ее могуществе... ну не верю, что победила бы в прямом столкновении.

– Император не шелохнет и пальцем, – проговорил Норберт хмуро.

Лорд Робер тяжело вздохнул.

– Да это я так... просто надежда. Сейчас император сломя голову бежит в убежище. Для него подготовлено самое глубокое.

– Из которого все равно не выбраться, – заметил я, – если сверху окажется тектоническая плита в милю толщиной. А так скорее всего и случится.

Глава 9

До опушки еще далеко, но по ту сторону зеленого леса страшно пламенеет багровый купол, накрывший, как кажется уstraшенному сознанию, половину мира.

Солнечная сторона блестит нестерпимо ярко, а теневая выглядит почти черной, и снова мне показалось, что вокруг этого чудовища то ли сворачивается время, то ли уплотняется пространство.

Он в самом деле меньше всего похож на корабль в привычном значении, но в космосе отсутствует трение, так что обтекаемость формы там значения не имеет.

Однако же из-за того, что не похож на корабль, это смутно что-то напоминает... Ковчег, на котором спасся Ной, тоже не был кораблем, как рисуют его дураки, это было нечто вроде огромного сарая, что держался на воде, затонув почти весь, и только верхушка поднималась чуточку над волнами.

Нет, это абсурдная идея, не могут эти твари спасти людей с гибнущей Земли и перевозить куда-то!.. Иначе зачем тогда уничтожают все на поверхности и даже проходятся с тепловым лучом по океану, нагревая до кипения верхний слой?

Хотя, с другой стороны, это делают они или же некие разрушительные процессы происходят сами по себе с некой цикличностью, а эти твари попросту увозят часть людей?.. А потом, возможно, привозят?.. Нет, тогда бы цивилизация

не начиналась почти с нуля.

Значит, увозят... нет, что-то голова идет кругом. Если берут человечество на развод, то проще брать из тех, кого увезли раньше. Они явно продвинутее...

Деревья побежали навстречу веселее, раздвинулись, выпуская на простор. Кони выметнулись в залитый солнцем мир бодро, игриво, а со стороны Маркуса в нашу сторону поспешили разведчики на быстрых лошадках.

Норберт перенаправил их сразу ко мне, старший прокричал быстро:

– Все тихо! Там как поумирали все!

– Сколько те набрали народу?

– Не больше пяти-шести сотен, – доложил он. – А этот ковчег великоват, ваше величество!

Я буркнул:

– Это не значит, что будут набивать доверху. Время не на вес золота, а на вес жизни! Ищите, ищите способы. Как хотя бы прищучить... каждый солдат должен знать свой маневр, каждая кухарка управлять государством, и каждый кулик делать свое болото всемирным... Сэр Норберт?

Норберт послал коня рядом с моим арбогастром.

– Ваше величество?

– Что мы знаем об этих существах? – сказал я. – Прибыли почти утром, но просидели весь день. Почему?.. Потом ночью совершили этот разбойничий рейд, которого, разумеется, мы не ждали. Возможно, изучали, что изменилось здесь

за пять тысяч лет? Хотя мне казалось, что для существ, сумевших добраться к нам из другого мира, этот вопрос несущественен. Или если он важен, то могли его решить за секунду. Ну, пусть даже за две!

Сэр Робер предположил:

– А если ждали, что пришлем посольство со всеми регалиями и верительными грамотами?.. Мы не прислали, и вот они, обидевшись, начали убивать и грабить?

– Разумно, – предположил я, – но не похоже. Сразу же убивать и грабить? А ноту протеста? А угрозы?.. Нет, это просто звездные разбойники. И вести себя с ними нужно соответственно. С поправкой на то, что они и сами сильнее, как ни прискорбно и неприятно это признавать, и двигаются быстрее волков.

Он предположил:

– А если выдвинуть все наши силы и ударить разом?

– Мы видели, – ответил я сухо, – не больше десятка этих существ. А прибыли наверняка сотни, если не тысячи. Не думаю, лорд Робер, что их в состоянии одолеть армии всех королевств... в честном бою, подчеркиваю.

Он спросил с обеспокоенностью:

– Но мы же не будем вести нечестный бой? Я имею в виду, нечестными методами?

– Ни в коем случае, – заверил я. – Но в битве с такими противниками ловчие ямы, ловушки и прочие методы вполне легитимны и законны.

Он воскликнул шокированно:

– Ваше величество!

– Иначе они сочтут оскорблением, – пояснил я, – что мы используем такой бедный арсенал воинских приемов. Чтобы выказать им уважение, мы должны задействовать весь спектр! Включая, как говорится, и удары в спину.

Альберт послушал, кивнул, сказал почтительно:

– Его величество выказывает великую мудрость и знание вселенских законов и обычаев. Да, именно так и нужно, потому что это не простые противники! И методы должны быть непростые.

– Сэр Альбрехт, – сказал я, – поручаю вам устройство ловчих ям и ловушек.

Сэр Робер поморщился, проговорил, вскидывая голову и выпячивая подбородок:

– Насчет ловчих ям... думаю, это лучше поручить простолюдинам.

– Я не намерен, – уточнил я мягко, – заставлять благородных лордов браться за лопаты.

– Ваше величество, – сказал он с поклоном, – я хотел сказать, простолюдины и распланируют лучше. Они с детства ставят ловушки на кабанов, оленей и даже медведей, так что знают, как копать, где копать и как маскировать.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда помогите сэру Альбрехту, возьмите таких умельцев. Прямо сейчас нужно спешно рыть одни ямы на пути их выхода, а другие на окраине сел...

– Ловушки должны быть смертельными? – поинтересовался он деловито. – В смысле, в дно воткнуть острые колья? Я вздохнул.

– Сам подумываю о захвате пленного. Но из ямы сразу вытащат остальные твари! Хоть живого, хоть мертвого. Потому да, втыкайте колья без раздумий и жалости. Раз уж живым взять нам не дадут... Правда, мертвого тоже нам не оставят.

Он посмотрел с изумлением.

– А вам нужен даже мертвый?

– Да, сэръ Робер.

– Зачем?

– Многое понять можно даже по мертвому.

Он вытаращил глаза.

– К-как?

– Если перед вами положить убитого медведя, – сказал я, – и убитого оленя, разве не поймете хотя бы по зубам, кто опаснее? И когтям?.. Мы тоже посмотрим, что собой представляют эти демоны... Хотя, конечно, лучше бы захватить живого.

Кони к стене багрового цвета приблизились без всякой боязни. Я протянул руку, нечто странное, будто прикасаюсь к вечности или праатому, с которого все и началось, он же Камень Творения или Первокамень. Вообще-то я из поколения, которому начхать, если говорить очень вежливо, на все святыни, но сейчас в самом деле странное благоговение

и оторопь, словно вижу галактику, а то и вселенную в одном пакете.

Альбрехт посматривает пытливо, но помалкивает, для него эта исполинская глыба металла, рухнувшая с неба, просто исполинская глыба металла, рухнувшая с неба. Из нее выходят демоны и хватают в плен людей, все понятно, все просто, все объяснимо.

– Ваше величество?

– Не сплю, – огрызнулся я. – Это я мыслю, потому и задумчиво-печален.

– А нам тогда что?

– Не отставайте, – велел я.

– В печали?

– Никаких печалей на свете нет, – отрубил я. – И не бывает! Это все выдумки избалованных женщин.

Он пустил коня в галоп, мы пронеслись вдоль стены, даже мне при таких ее размерах казалось, что она абсолютно прямая, но постепенно мир поворачивается, я всматривался в стену, и казалось, что не сдвигается, хотя бы какие-то приметные царапины, а там все одно и то же место...

Хотя я старался не увеличивать скорость, но Альбрехт заметно отстал, а когда мы с арбогастром и Бобиком вернулись на прежнее место, он прибыл туда на взмыленном коне несколько минут спустя.

– Ваше величество, – выкрикнул он почти с озлоблением, – вам нельзя отрываться!

– От народа, – уточнил я, – или вообще?.. Как я понял, ловушки ставить у Маркуса бесполезно.

– Почему?

– А кто скажет, – спросил я, – где эти твари выйдут? Похоже, тут другой принцип. А вот возле деревень – нужно побольше.

Он сказал быстро:

– И засаду!

– Возле ловушек? – спросил я. – Идея, да, но только если там есть где затаиться. А вообще-то лучше напасть, когда будут гнать пленных к Маркусу.

Он посмотрел остро, лицо стало жестким.

– Хотите сказать, ловушки их не остановят?

– Это на всякий случай, – ответил я. – Думаю, часть попадет в ямы, но часть все-таки выполнит задание и наберет пленных.

– Тогда я подберу отряд, – сказал он и посмотрел за разрешением. – Рыцарей для конного удара...

– Арбалетчиков, – велел я. – В засаде. Боюсь, даже рыцарская конница не сумеет...

– Ваше величество?

Я пояснил со вздохом:

– Но у нас особый случай, когда беречь жизни... уже не уберечь. Да, за ценой не постоим! Готовьте отряд тяжелой конницы. Я сам им скажу, как нужно действовать.

– На скорость? – спросил он.

– Вы все понимаете, граф, – сказал я. – Боюсь, самая правильная тактика будет в нападении вдвоем, а то и втроем на одного. Пока тот убивает одного рыцаря, два других сумеют пронзить копьями или изрубить.

Он содрогнулся, заметно шокированный.

– Вот так... расчетливо?

Я ответил безнадежным голосом:

– У такой тактики хотя бы шансы. И то, думаю, только вначале, пока не сообразят и не перестроятся. Как? Не знаю. Но вас понимаю, граф. Если передернуло даже вас, такого толстокожего, то как сказать благородным рыцарям?.. Вообще ни в какие ворота.

Он предложил деловито:

– Посмотрим дороги?

– Направления, – уточнил я. Он посмотрел с непониманием, я пояснил: – Эти захватчики, как существа из одного известного мне королевства, дорогами пренебрегают, предпочитая направления. По прямой, значит.

Он сказал с уважением:

– Весьма достойно. Так поступают герои.

– И вороны, – буркнул я. – Знаете ли, граф...

Я сделал паузу, он сказал быстро:

– Догадываюсь. Никакие они не герои, так как герои – мы. А других героев быть не должно.

– Вот-вот, – сказал я. – У вас хороший конь, граф. Не отставайте. Отставших бьют. Хуже того, на них женщины смот-

рят иначе.

— Это даже хуже, — согласился он, — чем вообще не смотрят.

Арбогастр пошел в галоп, я не услышал, что Альбрехт говорит, явно неважное, видит, в каком я состоянии, старается вздрючить легкими разговорами.

Ветер засвистел в ушах. Конь Альбрехта, подаренный ему Ришаром, закусил удила и несется, выпучив глаза, готовый умереть, но не отстать.

Арбогастр не выказывает и половины своей скорости, земля сухо гремит под копытами. Тень от Маркуса угольно-черная, злая и прижимающая к земле, будто с его появлением гравитация увеличилась вдвое и на Земле.

Глава 10

Норберт подъехал по обыкновению сдержанный и суровый, но я увидел, что на этот раз еще и прилагает усилия, стараясь держаться с привычной холодной отстраненностью.

– Сэр Норберт? – спросил я.

Он понял, ответил с усилием:

– В селах Верхние Лужки и Нижние Лужки пришлось рубить почти всех мужчин. Из оставшихся. Это семь человек...

Я стиснул челюсти, ответил после паузы:

– Все верно. Багровая Звезда поднимется сразу же, как только наполнит трюмы живым товаром.

– Не объяснить, – ответил он с горечью. – Все страшатся, что, если покинут дома, там разворуют... А что мир погибнет, их не страшит. Все в руке Господа!

Он автоматически перекрестился. Я ощутил, что и моя рука дернулась, уже привык при упоминании его имени творить крестное знамение.

– Наша задача, – сказал я сурово, задавливая в себе жалость, – не дать захватчикам выполнить задуманное.

Он кивнул, уточнил:

– Замедлить.

– Замедлить, – согласился я. – Замедлить настолько, чтобы успеть... Господи, только бы успеть! Хоть что-то найти, отыскать... Потому рубите всех, кто не ушел в леса и кого

могут в плен. Чем меньше у врага пленных – тем наши шансы выше.

Он кивнул снова.

– Никто в селах не понимает, винят, проклинаят... Но, ваше величество, нужно быть твердыми. Господь проверяет нас.

– Нашу стойкость, – сказал я со вздохом, – твердость и жажду спасти род человеческий. Оказывается, жестокость не менее важна, чем любовь и милосердие.

– Держитесь, ваше величество, – повторил он. – Ради многих... можно быть предельно жестоким к немногим.

– Спасибо, сэра Норберт, – сказал я. – Знаю, но спасибо за понимание. Как там в целом?

– Усилиями и увещаниями отца Дитриха, – сообщил он, – три четверти населения Штайнфурта, Воссу и окрестных сел сразу же ушли в леса. Остальных начали изгонять мои конники. До ночи, когда из Маркуса вышли первые захватчики, города покинули все остальные. Почти все.

– Но и оставшихся многовато, – пробормотал я. – Никто из нас не знает, сколько будут набирать этого живого товара... Потому, если сопротивляются, убивайте на месте!.. Скифы сжигали все на пути наступающей армии царя Дария и... победили. У нас есть примеры, как слабые побеждали очень сильных. Нужно только продолжать и продолжать... Другие отряды захватчиков замечены?

Он покачал головой.

– Нет. Странно, конечно.

– Думаю, – сказал я, – во вторую ночь их будет побольше.

– Потому что первый вернулся почти с пустыми руками?

– Да, – подтвердил я. – Не думаю, что собираются тут торчать до зимы. Их цель – нахватать побольше и побыстрее, тут же подняться вверх и все здесь перепахать так, что горы сравняются с пустынями.

Всадники полным галопом мчались к нам, выкрикивали сообщения и тут же исчезали, если Норберт не давал новое распоряжение.

Я коснулся кончиками пальцев рукояти молота. Уверенность в своих силах вернулась только на мгновение, сменившись унынием. Молот хорош для выбивания крепостных ворот, даже каменные стены проламывать можно и нужно, однако с такими юркими целями он вряд ли окажется кстати.

Думаю, даже стрелы из лука Арианта могут не поразить цель. Могу чуть корректировать их полет, но все в пределах, в пределах...

День прошел в лихорадочных подготовительных работах. Я всем сообщал ликующим голосом, что Господь дал нам фору. Второй день пришельцы не появляются на божий свет, словно они мерзкие Порождения Ночи, так что нужно пользоваться изо всех сил. Ямы должны быть глубокими и с надежно вкопанными кольями, все следы убрать, арбалетчикам проверить оружие, два-три отряда выступят на закате и зай-

мут позиции.

День то тянулся, как будто мелкий жучок выбирается из липкого клея, то неся прыжками, словно испуганный олень, а я с тревогой поглядывал на опускающееся солнце: успеть нужно все еще много, очень много.

Наконец облака начали алеть, покраснели. Багровость проступала медленно, но с обрекающей неотвратимостью. Почудилось, весь мир истекает кровью, облака пропитались, отяжелели, застыли в терпеливом ожидании нескорого расвета.

Возле меня, стараясь не мешать, то появляются, то исчезают люди. Отобранные Альбрехтом телохранители ревниво посматривают, чтобы приближались только военачальники, да и то лишь из самого близкого круга.

Появился Норберт, коня перехватили на краю болота, а он быстрыми шагами пошел ко мне.

– Ваше величество, – сказал он, – все готово. Можно выдвигаться.

– Пусть сперва выйдут, – отрезал я. – Никаких лишних движений! Выйдут, утопают всем отрядом к городам или селам. Или жаждете добычей стать сами?

Его передернуло, едва не поплевал через плечо.

– Ваше величество, не пугайте. Вся надежда мира только на нас.

Альбрехт сказал в сторонке:

– Только сам мир об этом не знает.

– Узнает, – сказал Норберт зло, но тут же скривился, – только не поверит. Ваше величество, я уже велел спешиться своим людям.

– Торопитесь, – сказал я осуждающе. – Но ладно, кунта-торствуйте в сторону выхода из леса.

– Ваше величество?

– Медленно, – пояснил я, – и осторожно начинайте выдвигаться. Но ждите в лесу, наружу ни шагу.

Норберт повернулся к одному из младших командиров.

– Слышал?.. Бери второй отряд.

Тот вскрикнул обрадованно:

– Слушаюсь!.. Все исполню в точности!

И умчался с таким видом, словно я отдал немыслимо сложный приказ, а вот он все запомнил, никто бы не сумел, а он еще и выполнит тютелька в тютельку.

Я вздохнул несколько раз, снимая раздражение, что-то мельчаю, как раз время, раздвинул плечи.

– Постарайтесь, – сказал я с гордо-уверенной улыбкой, – а уж Господь постарается!.. Сэр Альбрехт, проследите за выполнением...

– А вы куда? – спросил он быстро.

– Посмотрю на закат, – ответил я. – Всегда был неравнодушен к духовной красоте. Какой великий артист погибает!

Норберт спросил недоверчиво:

– Разве Господь Бог уже погиб?

Альбрехт тут же вставил:

– А кто на его месте?

Я поморщился.

– Это ваш король великий артист! Могу ценить красоту и как бы даже ценю. В каком-то аспекте. Даже в такое трудное время.

Лорд Робер сказал с пониманием:

– Если погибнуть, то при таком закате! Как будто тебя накроют всем небом, как пропитанным кровью знаменем.

– А я бы лучше под рассвет, – сказал барон Келляве. – Жизнерадостнее. А вы, сэр Тамплиер?

Тот прорычал:

– А я бы лучше других урыл! Одних на закате, других на рассвете. Хотя мне вообще-то все одно. Я не артист.

Арбогастр, давно чуя мое нетерпение, сорвался с места. Я заранее пригнулся, внизу под конским брюхом пронеслось серо-зеленое покрывало болота.

Через пару минут навстречу ринулись деревья с хищно растопыренными ветвями. Я распластался на конской спине, укрывшись роскошной гривой.

Стук копыт стал сухим и шелестящим, мчимся по толстому слою прошлогодней хвои. Впереди мелькнула массивная черная тень, между деревьями проскакивает виртуозно, но если заденет какое, даже самые могучие лесные гиганты вздрагивают от корней до вершины, на землю падают сухие ветки и сыплются листья.

Арбогастр начал замедлять бег, а Бобик далеко впереди

подбежал к переднему краю деревьев и замер. Я насторожил-
ся, но опасности пока не чую, медленно пустил Зайчика впе-
ред.

Деревья нехотя пошли в стороны. Между ними проступи-
ло темное небо с редкими звездами, у самого горизонта сла-
бо багровеет догорающая полоска заката. Уже не багровая,
а сизая, вот-вот сольется с фиолетовостью в той части неба.

Бобик оглянулся с вопросом в глазах.

– Молодец, – сказал я тихонько, – все понимаешь, морда
моя замечательная.

Он вроде бы даже улыбнулся, тихонько выдвинулся между
деревьями. Ноздри уже часто расширяются и схлопываются,
я попытался представить себе, как он видит мир в запахах.
Я тоже умею, но у него наверняка в десятки раз ярче, четче,
образнее и устойчивее.

– Теперь тихо, – велел я. – Иди рядом. Ни шага в сторону!

Он чуть покосился недовольно, мне почудилась в предан-
ном взгляде детская обида. Зачем уточнять, и так понял, не
арбогастр какой-нибудь.

Милях в двух от леса высится огромная черная масса.
В ночи Маркус не просто темный, а угольно-черный, словно
принес с собой ужас дальнего космоса.

Мороз прокатился по шкуре, эта вещь из звездного про-
странства слишком чужда этому миру.

Далеко в лесу прозвучал приближающийся треск ве-
ток, конский топот, смачная ругань, раздраженные голоса

и всхрапывание испуганных коней, они ночной лес обожают еще меньше нас.

Бобик оглянулся, в его горящих оранжевым огнем глазах проступила явная насмешка. Ему трудно понять, мелькнуло у меня, почему людям ночью не так нравится носиться в лесу, как днем.

Впереди Норберт с группой разведчиков на сухих жилистых конях, следом заблистали тусклые искры на стальных панцирях рыцарей и тяжелых конников.

Во главе рыцарской элиты Альбрехт, с ним несколько знатных рыцарей, что отличились при охране холма со скардером. Раздражение на их лицах сменилось облегчением еще до того, как увидели своенравного короля. Бобик сбегал навстречу Норберту напомнить насчет барсуков, хорошо бы их погонять сейчас, таких сонных и ленивых в норах.

Я слышал, как Норберт обернулся и крикнул Альбрехту:
– Его собачка здесь, так что и он где-то вблизи.

Через несколько минут его конь выбрел на опушку, Норберт рассмотрел, издали помахал рукой:

– Ваше величество?

– Не приближайтесь, – предупредил я. – Если меня и увидят, то вряд ли догонят.

Он сказал обеспокоенно:

– Но все же и сами не приближайтесь к этой штуке. Слишком уж.

– Я осторожный, – заверил я. – Местами уже трусливый,

почти демократ и наполовину общечеловек...

Он дернулся, ничего еще не увидев, но, глядя на мое изменившееся лицо, остановился.

От темной громады Маркуса отделились черные точки, я торопливо взгляделся до ломоты в висках, приближая качающуюся картинку.

Звездных пришельцев не больше дюжины... да, всего восемь, но перемещаются с места на место с такой скоростью, словно их два десятка.

Норберт все же не послушался, подъехал ближе.

– Все такие же? – спросил он тихо.

Я огрызнулся:

– Думаете, вижу настолько хорошо? Но это не чудовища, а люди, что значит – чудовища еще те. Нет во вселенной большего чудовища, чем человек. Мы всех чудовищ перечудовищим.

– Значит, – проронил он бесстрастно, – нам придется еще труднее.

– Спасибо, – сказал я саркастически. – Я уж думал, мы их одной левой. Либо вообще тапком. Вы сказали, чтоб никто не смел?

– И повторил несколько раз, – ответил он. – За своих отвечаю. Это либо разбойники в прошлом, либо послушные крестьянские дети. С мест не сойдут без приказа.

Я буркнул с завистью:

– Хорошо бы так с рыцарями.

Он приглушил голос:

– Ваше величество, вам в самом деле стоит подняться на последнюю ступеньку.

– В смысле? – спросил я отстраненно.

Он сказал еще тише:

– Объявить себя императором. К нему почтение выше. Вам оно ни к чему, слышал и даже верю, но послушания будет больше. А это нужно и полезно.

– Послушание не помешает, – признался я. – Хорошо, подумаю. Но только после победы... Так, эти твари наконец-то пошли в сторону... почему-то к Воссу.

– Там на пути Каталки, – сказал он, – и Зеленые Камни. Простые деревни, народ вроде бы ушел в леса.

Я сказал с горечью:

– Но многие тайком вернутся, верно? Одни, чтобы собрать остатки брошенного впопыхах добра, другие решат, что раз из этой штуки вот уже целый день никто не выходит, то не выйдут вообще.

– Во всяком случае, – сказал он, – до следующего утра точно... Все мы привыкли, что сражения начинаются с утра, а не с начала ночи. А на ночь все замирает... А вон там еще отряд?

– Нет, – сказал я, – это стадо диких свиней вышло порыться в огородах. Странно, пришельцы даже не посмотрели в их сторону.

– Может, – предположил он, – предпочитают разделявать

и жрать людей? На каких-то островах, слышал, это в обычае.

Медленно приблизились, придерживая коней, Альбрехт и рыцари во главе с бароном Келляве и Кенговейном.

Кенговейн почтительно поклонился еще издали.

– Ваше величество... какие будут указания?

– Никаких изменений, – ответил я сурово. – Как было принято на военном совете, так и поступим. Подождем, пока они наберут пленных. Чем пленных будет больше, тем лучше.

Он посмотрел на меня слегка надменно.

– Ваше величество, но многие из крестьян будут сопротивляться! Их убьют, а смерть невинных тяжким грехом ляжет...

– Не ляжет, – прервал я. – Они ослушались приказа затаиться в лесу. Их смерть – результат неподчинения королю.

Норберт заметил холодно:

– Обремененным добычей сопротивляться труднее. А нам, как мудро заметил король, нужно выиграть войну, а не отдельные сражения. Ваше величество?

– Начинайте движение по их следам, – распорядился я. – Предположительно погонят полон по прямой к Маркусу. Если мы рассчитали верно, они еще по дороге туда должны трижды погибнуть в волчьих ямах.

Норберт сказал сурово:

– Выкопали больше тридцати ловушек.

– А противников только восемь, – сказал я. – Если ка-

кие-то уцелеют, то либо вернутся ни с чем, унося раненых...

Альбрехт сказал в тишине:

– Либо все же наловят пленных.

– А мы знаем, – сказал я, – где расположить засады. Мы с сэром Норбертом там все проверили трижды. У вас будет время расположиться, спрятать все свои следы и ждать, когда захватчики будут возвращаться, обремененные грузом.

Глава 11

Я чувствовал, все звучит слишком оптимистично, а мое воинство, похоже, настроилось на то, что раз звездных пришельцев вышло так мало, то все погибнут еще в ловчих ямах, в засаде придется зазря сидеть до утра.

Альбрехт повернулся к своему отряду.

– За мной, в колонну по двое...

Я прервал:

– Граф! Передайте командование барону Кенговейну... нет, нужно выдвигать молодых и энергичных на руководящие посты, иначе останемся без кадров. Сэр Бриан, кто из ваших младших командиров уже успел показать себя весьма и достойно?.. Хорошо, передайте ему командование отрядом, а сами останетесь в моем резерве.

Кенговейн поклонился, в глазах недоумение, но ответил со всей почтительностью:

– Да, ваше величество... как прикажете, ваше величество... Сэр Вудгард! Принимайте управление отрядом. Вы знаете, что делать.

Один из молодых командиров вскрикнул обрадованно:

– Слушаюсь!

Он повернул коня и унесся, я сказал остальным:

– Вы все пока в моем резерве. Ни шагу без моего соизволения. Даже не дышать, если велю!

Барон Келляве проговорил с некоторой обидой в голосе:

– Ваше величество, я достаточно искушен... Второй отряд поведу я?

– А вы что, – спросил я, – младший командир? Нельзя за все хвататься самому, барон! Я же научился? В первую очередь должны уметь управлять младшими командирами!.. Вон тот молодой рыцарь, если не ошибаюсь, виконт Кернешир?

Виконт Кернешир поспешно пустил коня на два шага вперед.

– Ваше величество, к вашим услугам.

– Виконт, – сказал я, – вы все слышали?

Виконт Кернешир поспешно поклонился.

– Ваше величество, – воскликнул он ликующе, – я польщен вашим доверием. Мы оправдаем полностью...

– Не заблудитесь, – сказал я.

Он улыбнулся шутке, залитая призрачным звездным светом мрачная громада Маркуса служит самым надежным ориентиром.

– Ваше величество...

– Виконт, – ответил я.

Он повернул коня, красиво и властно вскинул руку с раскрытой ладонью. Рыцари, что слышали наш разговор, повернули коней и послали за ним вслед медленной рысью.

Альбрехт с надеждой смотрел на укрытые в прочные стальные доспехи тела, что как влитые сидят в особых ры-

царских седлах на могучих конях, тоже покрытых кольчужными сетками из прочных стальных колец.

– Они справятся, – проговорил он уверенно. – Жаль, эти твари вышли не все.

Я вздохнул.

– Может, это и хорошо?

– Да сколько их там, – спросил он, – внутри?

– Судя по размерам Маркуса, – ответил я, – тысячи и тысячи! Это я так, чтобы не сказать сотни тысяч. Вы все равно не поверите в такие цифры, но в армии царя Ксеркса, что пошла на Элладу, было больше миллиона прекрасно вооруженных воинов.

Он поспешно перекрестился и поплевал через плечо, угождая сразу христианскому богу и языческим.

– Я поверю вам, – ответил он уклончиво. – Хотя армию в сотни тысяч человек вообразить трудно. А уж миллион... Это, наверное, много?

Я долго смотрел вслед отъезжающему рыцарскому отряду. Нехорошее предчувствие заползло в душу, попытался прижать его к стенке, но оно юлило и не признавалось, только росло и стало совсем пугающим, наконец я зажал себя в кулак и повернулся к лордам.

– Все идет по плану!.. Сэр Гастон, берите всю мою свиту и доставьте ее в целости и сохранности в лагерь. Немедленно!.. Такова моя воля, ибо так велю, не говоря уже о том, что это важно. Сэр Альбрехт, вы останетесь со мной.

Барон Келляве в растерянности посмотрел на меня, на ошарашенных рыцарей.

– Доставить в лагерь? – переспросил он.

Я воззрился на него в королевской надменности.

– Барон, что с вами?.. Вы плохо слышите?.. А вы, граф, следуйте за мной.

Альбрехт, ничего не понимая, пустил коня следом в галоп, ибо я позволил арбогастру с места набрать скорость, спеша избежать вопросов.

Конь, подаренный Альбрехту самим Ришаром, почти не отставал некоторое время, затем я перевел арбогастра на шаг.

Альбрехт догнал и спросил глухо:

– А что случилось?

– Да так, – ответил я, – зачем таскать за собой такую ораву?.. Кони у них не такие быстрые, как ваш поскакун.

Он покосился хмуро, явно не поверил, но переспрашивать не стал, бесполезно.

– И что теперь?

– Неспешно, – сказал я, – отправимся следом за отрядом виконта. Будем, как древние боги, посматривать со стороны. Если вдруг понадобится помощь... что ж, вмешаемся.

Он сказал с некоторым изумлением:

– Сэр Ричард!.. Там два отряда общим числом в двести рыцарей и тяжелых конников.

– Неплохо, – согласился я.

– Уж молчу, – добавил он, – что барон Келляве лично разместил по обе стороны дороги арбалетчиков!

– Смотрите, – предостерег я, – чтобы не перестреляли друг друга.

Он ухмыльнулся.

– Думаю, до арбалетчиков просто не дойдет.

Бобик то забегал вперед, все дальше и дальше, оглядывался, я грозил пальцем, он возвращался, но, не чувствуя такой уж особой строгости, в следующий раз убежал чуть дальше.

В голове острыми молоточками стучит злая мысль, что эти твари неуязвимы. Хотя не бывает, не должно быть абсолютно неуязвимых! У булатногрудого Сослана были слабые колени, и зачарованным колесом проехали как раз по ним, у Батарадза одна-единственная кишка в животе не успела превратиться в сталь, и его заставили раскалиться в бою, а потом сумели помешать охладиться, у Ахилла то самое сухожилие, а Кларк Кент терял все силы и неуязвимость при близости криптонита.

Но что у этих, пришедших со звезд?..

Странности еще в том, что такие невероятные способности самих чужаков и такие непонятки в их поведении. Конечно же, могу объяснить неизведанностью инозвездной психики, однако все равно остается необъяснимым факт исполинского разрыва между их мощью, как технической, так и в личном плане, и крайне скудными возможностями поведения.

Первыми я заметил арбалетчиков, хотя не столько заметил, как учуял. Схоронились в кустах по обе стороны дороги хорошо, но ветерок донес запах немых тел. Могу даже сказать, сколько человек на одной стороне, сколько на другой, кто сыт, кто голоден, сколько молодых парней, а сколько ветеранов...

Надеюсь, звездные твари не обладают таким нюхом. Вот зрение у них, да, в сотни раз лучше нашего. Хотя, с другой стороны, умение видеть хорошо в полной темноте не значит, что видят так же хорошо и на свету.

Мысль неожиданная, я торопливо начал ее разворачивать, как завернутую в плотную фольгу конфетку, но голос Альбрехта вернул к действительности:

– Ваше величество... Вон там!

Я мысленно провел линию от кончика его пальца на вытянутой руке, там две невысокие каменные гряды почти сходятся, оставив узкий проход в два десятка ярдов. Дорога утоптанная, никто не пойдет по кособоку, если рядом ровная земля.

– Удобное место, – согласился я.

– Думаю, – сказал он, – сэр Вудгард со своей частью отряда будет ждать слева, а справа поставит виконта Кернешира.

Я пробормотал:

– Полагаете, встанут друг против друга? Впрочем, между ними едва ли сотня ярдов.

Мы начали подниматься на вершину невысокого холма, однако Альбрехт резко остановил коня и тут же ухватил арбогастра за повод. Бобик подпрыгнул и тут же ревниво выдернул ремень из его руки.

Альбрехт сказал с опаской:

– Собачка бдит... однако, ваше величество, мы должны остаться здесь. Я настаиваю!

Я пробормотал:

– Граф, не нужно так драматично. Я сам сказал, посмотрим со стороны. Так что да, место тут достаточно защищенное. Не дует, во всяком случае. Бобик, спасибо! Будь рядом.

– Спасибо за понимание, – ответил Альбрехт с облегчением и чуть пристыженно. – Просто вы иногда слишком уж. А иногда и не иногда. А как бы!.. Потому и...

– Понимаю, граф, – ответил я легко. – Извинения приняты, хотя вас извиниться хрен кто заставит. Давайте спешимся, кто знает, сколько те твари будут ловить народ.

Он хмыкнул.

– Если все не погибли в ловчих ямах, ваше величество!

– Хорошо бы, – пробормотал я. – Но что-то жизнь отучила меня от такой легкости.

– А я верю, – произнес он.

– Верить, – согласился я, – хорошо. Тепло так. Защищено. Как бы защищено.

– Вот-вот!

– Только не верю, – закончил я неожиданно, – что верите.

Вас жизнь обламывала чаще, чем меня, граф. Так что не надо, а?.. Я тоже обломанный. За меня не двух небитых, а десяток дадут. Еще и приплатят.

Он криво улыбнулся.

– Попробовать же стоило? Вера многим дает утешение.

– Слабых в самом деле много, – согласился я. – Но они не мы, граф?

Он вздохнул, прыгнул на землю, а повод забросил на седло. Бобик в ожидании пошел все расширяющимися кругами. Я цыкнул, указал место рядом с арбогастром.

Бобик посерьезнел, ощутил неладное, а я тоже спешился и прошел вслед за Альбрехтом на самую вершинку. Холм невысокий, уже почти сровнявшийся с землей, но все-таки отсюда прекрасный вид как на город, так и на долину внизу.

– Надеюсь, – сказал я, – на двух человек внимания не обратят... Особенно если будут гнать хотя бы пару сотен голов.

– Вы оптимист, – сказал Альбрехт. – Пару сотен!.. Или это пессимист?.. Я ставлю на то, что часть охотников погибнет в ловчих ямах. Остальные вытащат их тела и понесут обратно.

– Без добычи?

Он подумал, кивнул.

– Их всего восемь. При всей их силе...

– И ловкости, – добавил я.

– А что даст ловкость? – спросил он. – Ну да, при удаче позволит извернуться и не напороться на острый кол. Но это

раз повезет, другой...

– А что дает нам право думать, – поинтересовался я, – что будут все время проваливаться?.. Кстати, граф, вон там поднимается пыль.

Он всмотрелся в одинаково темную стену впереди. Небо от земли можно отделить только по редким тусклым звездам в верхней половине, а ниже сплошная чернильная мгла.

– Завидую, – сказал он со вздохом. – А сквозь женские платья тоже видите?

– А что, – спросил я с интересом, – и такие умения есть?

– Слышал о таких, – ответил он, – но, думаю, брешут. Мало ли чего кому-то хотелось бы.

– Или даже всем, – согласился я. – Судя по размеру пылевого облака, там не пара сотен ног.

Он охнул.

– Ловчие ямы...

– Похоже, – ответил я сухо, – не сработали. А набрали эти твари народу побольше, чем в прошлый раз. Много же идиотов вернулось в город!

Он присел на корточки, словно это поможет всматриваться, тер кулаками глаза, мычал от злости и таращился изо всех сил, а я, сжавшись, начал рассказывать, что уже видно бегущих, потому что крестьяне или горожане, отсюда не различить, не идут, а бегут, подгоняемые этими тварями. Я видел их измученные, залитые потом лица, даже уловил, прислушавшись, хриплое сорванное дыхание.

Граф насторожился, уловил изменение в моем тоне, а я смотрел, как упала измученная женщина. Один из пришельцев моментально оторвал ей голову. Я инстинктивно ожидал, что тварь присосется к бьющей тугой струе крови из артерии, однако чужак отшвырнул безжизненное тело и поспешил как ни в чем не бывало за остальными.

– Что? – спросил Альбрехт.

– Отставших просто убивают, – пробормотал я.

Он вскочил, я перехватил его за руку и с силой дернул обратно. Альбрехт дернулся, я зашипел ему люто в лицо:

– Погубить всех вздумали?

– Как мы можем? – вскрикнул он. – Какие мы защитники...

Я сказал сдержанно:

– Сэр Альбрехт, ваш порыв благороден, но их не спасти.

– Но мы обязаны попытаться! – ответил он со злостью.

– Только не здесь, – отрезал я. – Выйдите с другой стороны леса, чтобы не привести их сюда, и можете с чистой совестью красиво и бесполезно погибнуть.

Он ответил с тяжелым вздохом:

– Ваше величество... Это во мне говорит та половина, что осталась от молодого и безрассудного рыцаря.

– И не душите ее до конца, – посоветовал я. – А сейчас... они приближаются к месту, где с отрядом ждет сэр Вудгард. Альбрехт сказал с надеждой:

– Рыцарская конница!.. Тогда было тридцать легких всад-

ников, а сейчас там двести тяжеловооруженных... Ваше величество, а тварей сколько?

– Восемь.

– Значит, – сказал он упавшим голосом, – ни одна не погибла?

– Похоже, – ответил я, – никто из них даже пальчик не прищемил... Пошла конница!

Альбрехт вскочил, всматриваясь в ту сторону, откуда доносился нарастающий грохот конских копыт.

– А виконт?

– Виконт, – сказал я, – виконт... а, тоже пошел с другой стороны! Граф, какое же это красивое зрелище...

Рыцари в тусклом звездном свете прищипорили коней и, опустив копы для страшного удара, всей конной бронированной массой пошли, наращивая скорость, в яростную атаку, что пробивает любые ряды противника.

Пришельцы обернулись с прежней пугающей быстротой, когда не замечаешь самого движения, некоторое время смотрели на приближающуюся массу из металла, закрывающего людей и коней, затем прыгнули навстречу.

Или не прыгнули, это у них такой бег, но за один конский скок рыцарского отряда они преодолели все разделяющее их пространство.

Я охнул, задержал дыхание, а сердце замерло, словно его вморозили в лед. Отряд все еще продолжает движение, однако в скрежете взлетают в воздух и разлетаются в разные

стороны сорванные шлемы, наплечники, а затем – боль взорвалась и разлилась ледяной волной в моей груди – головы, руки, окровавленные части тела.

Кони падали с жалобным ржанием, только один вырвался и умчался с опустевшим седлом, но кровь хлестала тугой струей из разорванной артерии, и вскоре он обессиленно упал на колени.

Я видел в лунном свете холодный блеск мечей, слышал душераздирающие крики ужаса и боли. Все промелькнуло настолько быстро, что даже не знаю, успел ли кто-то из рыцарей нанести смертельный удар противнику.

Арбогастр всхрапывает и прядает ушами, такое с ним редко, Бобик вскочил и рычит, шерсть дыбом, глаза грозно полыхают багровым огнем.

Глава 12

Через минуту пришельцы покинули место схватки и вернулись к толпе пленников, где даже не сообразили насчет побега.

– Граф, – сказал я чужим голосом, – весь конный отряд пал смертью храбрых. Дрались отважно, никто не отступил. Так и будет в хрониках... если мир уцелеет.

Он прошептал хриплым от муки голосом:

– А сэр Вудгард?..

– И виконт Кернешир тоже, – ответил я мертво, – все погибли. Эти твари зачем-то убили даже коней...

Он прошептал совсем раздавленно:

– Вся надежда на арбалетчиков...

– На этих тоже надеюсь, – признался я. – От конной атаки, честно говоря, я не ждал особого толку. Не знаю почему... а вот арбалетчики – не рыцари. Они ударят из засады.

Он сказал с надеждой:

– Их сорок человек. А этих тварей всего восемь. Должны уложить всех. Там же на месте.

– И я на то рассчитываю, – ответил я. – Тихо, граф, тихо...

– Что, подходят?

– Тихо, – повторил я. – Толпа уже подошла... вперед одна из этих тварей... указывает направление... молодцы, по нему стрельбу не открыли!..

– Там сэр Агассер, – напомнил он, – опытный боец, во многих битвах отличился...

– Надеюсь, сделает все...

Он перекрестился, забормотал торопливо молитву, даже опустил на колени и склонил голову.

Сердце едва не выскакивает, в истории Земли еще не было такого страшного момента, когда решалось бы, остаться ей или исчезнуть.

Я задержал дыхание, кулаки стиснуты так, что ногти впиваются в ладони.

– Ваше величество, – донесся голос Альбрехта, – что там?

– Проходит основная масса, – сказал я, – в толпе не меньше тысячи голов... Сзади пятеро этих тварей... Вот!

Я охнул, умолк. Арбалетчики, поднявшись во весь рост из-за ряда кустов, приложили арбалеты к плечам. Я не слышал хищного свиста, но в ночи ярко и коротко засверкали стальные стрелы.

Пришельцы дергались, вскидывали передние конечности, а потом все пятеро задних сорвались с места и в мгновение ока оказались среди арбалетчиков, у которых не было шанса на второй выстрел...

Я видел, как двое успели выхватить кинжалы, но тут же пали убитыми, а кровь ударила из разорванных артерий тугими темными струями.

Через минуту пятеро чужаков вернулись к толпе, что за это время только начала было останавливаться. Я стиснул че-

люсти, еще пятерых из захваченных в плен убили с беспричинной жестокостью, и толпа с криками, плачем и хрипами двинулась в сторону темной громады Маркуса.

– Граф, – произнес я не своим голосом, – арбалетчики пали, как герои. Они сражались доблестно, но враг оказался намного сильнее. Возвращаемся в лагерь!

– Но...

– Это приказ, – сказал я мертво.

– Да, ваше величество, – ответил он покорно.

Он медленно вставил ногу в стремя, конь хрипел и вертелся на месте, даже на таком расстоянии чуя кровь, но пролито ее, как тоскливо подумал я, слишком много и слишком бездарно.

Я вспрыгнул в седло арбогастра, Бобик сделал два круга, я подозвал его кивком и сказал жестко:

– Проводишь графа в лагерь!.. Это приказ!.. Я приеду чуть позже... а то и раньше, почешу и покормлю. Понял?.. Выполняй!

Альбрехт сказал обеспокоенно:

– Ваше величество...

– Граф, – бросил я зло, – повторять не буду.

Арбогастр сорвался с места, и мы растворились в ночи раньше, чем Альбрехт успел открыть рот.

Арбогастр идет уверенным галопом, для него, как понимаю, ночь не совсем ночь, я уже с луком Арианта в руках

всматриваюсь в темную массу бегущего народа. Пятеро чужаков позади, бегут на расстоянии, головы опущены, но плечи достаточно широкие...

Стрела уже на тетиве, я рывком дернул руку к уху. Задний чужак, словно услышал бесшумный скрип сгибаемого дерева, обернулся.

Меня передернуло от омерзения, впервые увидел так близко чужака, весь отвратительно белесый, лицо как осыпано мукой, у нас такие только тритоны и протеи в глубоких пещерах, не видевших солнечного света.

Я увидел устремленные мне прямо в лицо огромные выпуклые, как у жабы глаза, даже рассмотрел в лунном свете расширенную радужку.

Разжав пальцы, тут же ухватил вторую стрелу, а чутье подсказало, что следом нужно отправлять третью. Чужак легко уклонился, стрела прошла мимо и пропала в темноте.

Вторая почти коснулась его лба, но опять же он неуловимо быстро сдвинулся, и белое оперение лишь мелькнуло за его спиной.

Я чувствовал смертельный холод, никогда еще такого не было, но, видимо, у стрел есть некий лимит, могут корректировать полет за пару ярдов, даже за ярд от цели, но не тогда, когда счет идет на дюймы.

И тут же он сорвался с места, держа меня в прицеле взгляда. Я не успел ничего подумать, однако арбогастр, уловив мою панику, что родилась раньше даже спинного мозга, сде-

лал рывок в сторону.

Горячее тело пронеслось мимо, обдав волной сжатого воздуха. Я со смертным холодом в спине ощутил, как он там за мной сразу развернулся и ринулся следом.

Ветер свистел в ушах и пытался столкнуть со спины арбогастра, а когда я рискнул оглянуться, нас унесло уже далеко от места схватки, и за мной никто не гонится.

Арбогастр, повинуясь мысленному приказу, завершил круг и вернулся к тому же месту.

Не слезая с седла, я осмотрел поле схватки с телами погибших рыцарей, проехался вдоль кустов, где пали арбалетки все до единого. Пришельцы выглядят неуязвимыми, но я не заметил у них ни доспехов, ни оружия.

Значит, все только за счет их силы и невероятной скорости, а этому пока не вижу объяснения.

Альбрехт уже в лагере, но видно, что прибыл только что. Бобик бросился навстречу с докладом, что все выполнил, за это я должен любить его еще больше.

– Все в порядке, – заверил я бросившихся навстречу часовых и оказавшихся поблизости рыцарей. – Граф еще рассказать не успел?.. Жаль, я предпочел бы, чтобы такое услышали не от меня.

Сэр Келляве сказал с недоверием:

– Ваше величество... судя по вашему лицу...

– Угадали, – ответил я. – С нашей стороны идет разведка

боем, так это называется на языке профессионалов войны. Выясняем возможности противника, его слабые места, способы взаимодействия, реакции на действия конницы, пехоты, арбалетчиков...

Сэр Рокгаллер спросил быстро:

– А что с арбалетчиками?

– Погибли, – ответил я, – выяснив предположительно слабые места противника.

– Ваше величество?

Я пояснил:

– Благодаря полученным данным, предполагаемо задействие лучников. У них скорострельность выше, как и дальнобойность весьма значительнее. К тому же можно навесным...

Он шел со мной рядом, у шатра встретили Тамплиер, Сигизмунд, Робер, Кенговейн, еще несколько военачальников, быстро поклонились и уставились с жадным вниманием.

– Хорошо, – сказал я, – давайте по горячим следам проведем военный совет. А то граф Гуммельсберг может нарисовать правдивую, но неправильную картинку случившегося.

В шатре я привычно создал кувшины с вином, в углу отыскалась целая куча чаш, я сам осушил жадно самую большую до дна, перевел дыхание и оглядел всех зорко и пытливо.

Сели смиренно, словно не в шатре, а в парадном зале в присутствии императора, смотрят серьезно в напряженном ожидании, никто не двигается, хоть рисуй картину.

Тамплиер и Сигизмунд, как и некоторые рыцари, которым не хватило места, стоят неподвижно у полотняных стен.

– Героическая атака рыцарской конницы, – произнес я веско, – показала, что лобовая атака результата не дает.

Лорд Робер громко прошептал:

– Они...

– Погибли, – договорил я. – Все в порядке, господа! Их души сейчас принимает Господь и выдает парадные сверкающие доспехи, принимая в армию небесных паладинов. А также именное оружие... Вот придет отец Дитрих, подтвердит. Кто погиб за правое дело... ну, дальше вы знаете.

Они слушали все так же серьезно, по их лицам видно, что да, именно так все и происходит.

Барон Келляве спросил тихо:

– А противник? Что с ним?

– Цел, – ответил я бодро. – Однако ценой гибели прекрасных воинов нам удалось выяснить, что враг весьма уязвим.

Альбрехт медленно багровел, но придушил ярость и сказал очень сдержанно, хотя и придушенным голосом:

– Ваше величество, вы весьма... оптимистичны. Я с ваших слов там на холме понял, что наших порвали быстрее, чем волки рвут двухнедельных ягнят. Сами они никого не потеряли, так ведь?

– Никого, – подтвердил я. – Но только потому, что хорошо знакомы с нашей тактикой, а мы с их – нет!.. Их всякий раз атаковала рыцарская конница, когда те прибывали, ата-

ковала совершенно одинаково!.. Но мы в следующий раз изменим... кое-что в нападении.

И все-таки я видел на их лицах, несмотря на мой бодрый тон, уныние. Даже не потому, что погибли два отряда красивых и гордых рыцарей. Рыцари постоянно погибают в боях, с обеих сторон в войнах гибнут красивые, благородные, исполненные всяческих достоинств. Это воспринимается спокойно и гордо, о погибших вспоминают тепло, а о тех, кто сложил голову особенно красиво, – слагают песни и баллады.

Но сейчас была не битва, а истребление, что отвратительно и непереносимо для мужского достоинства. Погибли, не успев нанести серьезного урона противнику.

Я вздохнул и повторил рассудительно и обстоятельно:

– Они, как уже сказал, уязвимы. Это видно по тому, что наших воинов даже не пытались захватить... и обратить в рабов. В том смысле, что отобрать оружие и погнать в общую толпу пленных. Хотя, уверен, понимали, что воины – самые сильные и здоровые мужчины! Значит, опасаются! Потому сразу уничтожили.

Лорды стискивали кулаки, багровели, бледнели, на лицах выступают пятна, но сдерживаются так, словно я не король, пусть и монарх, а уже император.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.